БОРЬБА МИРОВ

ЖУРНАЛ ★ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ★

№3

1924

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ЦКРКСМ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

МОСКВА—СТАРАЯ ПЛОЩАДЬ, 10 4, ТЕЛ. 1-81-01.

„ЮНЫЙ КОММУНИСТ".

(Двухнедельник).

С еженедельным приложением „Дискуссионный листок".

Центральный орган ЦКРКСМ, руководящий юношеским коммунистическим движением в СССР.

Цена на год—8 р., 1/2 г.—4 р. 50 к., 1/4 г.—2 р. 30 к.

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ".

Ежемесячный литературно-художественный и научно-популярный журнал ЦКРКП и ЦКРКСМ.

Цена на 1 год—20 р., 1/2 г.—11 р., 1/4 г.—6 р.

„С М Е Н А"

Двухнедельный журнал рабочей молодежи Орган ЦК РКСМ.

С приложениями: 1) „Спутник молодого рабочего", 2) 12 выпусков „Научно-популярной серии библиотеки Смены". 3) 12 выпусков Библиотеки Смены", романы, повести, рассказы, 4) „Борьба Миров".

Цена: I абонем. с 1-м прилож.: на год—8 р. 50 к., 1/2 г.—4 р. 50 к., на 3 мес.—2 р. 50 к., II абон. с прил. 1 и 2—на год—13 р. 50 к., на 1/2 г.—7 р. 50 к., на 3 мес.—4 р., III абон. с прил. 1 и 4 на год—15 р., на 1/2 г.—8 р., на 3 мес.—4 р., 50 к., IV абон. с прил. 1 и 3 на год—16 р., на 1/2 г.—8 р. 50 к., на 3 мес.—5 р., V абон. с прил. 1, 2 и 3—на год—20 р., на 1/2 г.—11 р., на 3 мес.—6 р., VI абон. со всеми прил. на год.—26 р., на 1/2 г.—14 р., на 3 мес.—7 р. 50 к.

„П И О Н Е Р".

Ежемес. орган Детколгруп. ЦКРКСМ.

Цена на год—3 р. 50 к., на 1/2 г.—2 р. 25 к., на 3 мес.—1 р. 15 к.

„БОРЬБА МИРОВ".

Ежемесячный журнал приключений.

Цена на год—3 р. 50 к., 1/2 г.—2 р. 25 к., на 3 мес.—1 р. 15 к.

„ИНТЕРНАЦИОНАЛ МОЛОДЕЖИ".

Двухмесячный орган Исполкома Коминтерна Молодежи

Цена на 1 год—5 р., на 6 мес.—2 р. 75 к.

„Ю Н Г В А Л Д".

(на евр. языке).

Орган Ц. Б. Евсекции ЦК РКСМ.

Цена на 1 год—4 р. 50 к., 1/2 г.—2 р. 30 к., 3 мес.—1 р. 15 к.

БОРЬБА МИРОВ
ЖУРНАЛ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ.

№ 3. 1924.

Стр.

ЗАГОВОР МУРМАН-ПАМИР. Роман . Б. ПЕРЕЛЕШИН. 2

СЛУЧАЙ НА ШХУНЕ ЭСКУМ Е. БЫЧАЛОВ Зюд-Вест. 12

ДОКУМЕНТЫ СССР. . . . . М. ПРАТУСЕВИЧ 17

Иллюстрации В. Скотт.

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА . . . . . С. КОЛБАСЬЕВ. 28

1406 кмм. НА ЛЫЖАХ . . . . . А. ХИТРОВ. . . 29

БЕССМЕРТИЕ . . . . . А. ИРКУТОВ . 30

Иллюстрации Д. Робинсон.

ШТРЕЙКБРЕХЕР . . . . . тов. ДЖОНС . . 38

Иллюстрации Т. Д. С.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ МИСТЕРА ВЕСТА . КИНО-ЭКРАН. . 42

МАЕВКА ДЕБСА . . . . . ДЖЕК-ЛОНДОН. 44

Иллюстрации Н. Кабнич

ВЫЕЗД РИЧВУДА и др. . . . . ФОТО-ЭКРАН . 54

Прием у редактора ежедневно от 2 до 4. Телефон: 1-89-13.

Москва, Старая площадь 10/4, Издательство „Молодая Гвардия".

Прием подписки и объявлений в Торгсекторе из ва Молодая Гвардия—Москва, Старая Площадь, 10/4, телеф. 1-81-01 и во всех отделениях в провинции.

Цена отдельного номера 40 коп. Подписная плата до конца года 3 руб. 50 коп.

Плата за об'явления: позади текста 1 стр.—30 черв., 1/2 стр.—20 черв., 1/4 стр.—10 черв. Впереди текста: 1 стр.—40 черв., 1/2 стр.—25 черв., 1/4 стр.—15 черв. Среди текста: 1 стр.—60 черв., 1/2 стр.—35 черв., 1/4 стр.—20 черв. Реклама в красках и на обложке—по соглашению.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Заговор Мурман-Памир (продолжение) — Б. Перелешин; Ленин—тов. Джонс; Сапыр Алтайский—Глеб Алексев; Золотой груз.—Д. Туманный и др.

ЗАГОВОР МУРМАН-ПАМИР

Борис Перелешин.

(Продолжение).

РАМАЗАН еще не наступил. Тянули ковшами кишмишовку, чилим (трубка) переходила из рук в руки, танцовали бачи (мальчики).

Бурундук пригляделся. Среди гостей обращала на себя внимание женщина, чего обычно у сартов не принято. Тоненькая, стройная, видимо, молодая девушка, она сидела в глухом чашуане (одежда, закрывающая тело от головы до ног) и парандже (черная сетка на лице). Ни с кем не разговаривая, о а, все же, чувствовалось, была центром общего внимания.

— Ханым? — подумал Бурундук. Но ведь ханым, выходит, в Москве. Н чего не понимаю. Женщин азиаты не допускают ни к какому общественному делу.

Вдруг узкая тонкая, но не по женски решительная, ручка высунулась из-под чашуана и кивком подозвала бачу, потом Атаваева, потом кой-кого из гостей. То, что говорилось, говорилось шопотом, но чувствовался тон безоговорочного приказания.

Атаваев как-то виновато топтался, потом подозвал Бурундука.

— Твой таварыш не хороший челавек. Чика он! Как ты его привел? Наши узнали.

Инкогнито Васильева было открыто. Грозило погубить все дело. Бурундук выкручивался.

— Он, значит, за мной и следит все время. Что же делать?

— Нада его сейчас убивать! Они Файсулова стрелили!

Сарт пытливо уставился на Бурундука. Со всех сторон тоже смотрели. Это явно было испытание. Бурундук сказал:

— Хорошо, я помогу. Но как же тело?

— В мешок положим и на арба везем.

— Отлично!

Бурундук обменялся взглядом с Васильевым. Тот без слов отлично понимал уже в чем дело и стал балагурить и веселиться вдвое.

Часть клетушек, как и во многих дворах старого Ташкента, была укреплена на балках над арыком. Берега Зах-арыка значительно круче и выше прочих. Бурундук развалился на балкончике, под ним где-то шумела вода. Приподнял ковер и увидел отверстие: бурлил арык, около воды, прислонясь к балке, застыл агент.

Бурундук распустил каемку кошмы, спустил в отверстие, задел агента. Тот сперва не понял, потом схватил тесьму, натянул ее. Тогда Бурундук, как бы играя концом тесьмы, стал посылать по ней легкие удары, применяя тюремную азбуку перестукивания. Переговоры быс ро наладились.

Он передал следующее:

— Немедленно четырем агентам охватить и арестовать все сборище, в том числе и его, Бурундука. Васильев же будет держать себя, как представитель Чека.

Агент ушел предупредить остальных. Но события назревали.

Здоровенный сарт подошел вплотную к Васильеву, встал сзади него, приподнял довольно увесистую скамейку. Двое других подобрались также поближе. Васильев вел себя совершенно беспечно.

Сарт занес было скамейку над головой Васильева, но тот в то же мгновение исчез неизвестно куда.

Оказывается, он, как и Бурундук, не терял времени, расположился на таком же балкончике, нащупал отверстие под ковром

и даже раздвинул доски. Теперь провалился в это отверстие.

Все вскочили.

Через перила балкончика перескочил агент с двумя револьверами в руках Другой через глиняную загородку, отделявшую от соседнего дворика. Наружная дверь слетела с петел и с улицы ворвался матрос лежавший в чай-хане.

Заварилась страшная кутерьма. Прозвучало несколько выстрелов. Девушка, сидевшая без движения, яростно вскочила, паранджа слетела с нее и открыла... правильное, удлиненное не тюркское, а почти семитическое лицо, с небольшой черной кудрявой бородой. Джигит отскочил в угол, сбросил с себя стеснявший чашуан и пропал.

Мгновенно все было приведено в „норму". Сборище было обезоружено и арестовано. Васильеву успели шепнуть о его роли. Бурундука для видимости пнули несколько раз по шее. Потом всех при свете занимавшейся зари и такого же, как вечером, медового неба, повели в Чека. Только девушки—джигита не было и в помине.

Рассвело. Бурундук и Атаваев сидели в одной камере.

Бурундука первого вызвали, якобы для допроса.

Работники Чека вопросительно на него смотрели.

— Что же дальше будет?

— Вызывайте всех по очереди, на допросе напирайте только на самогон и курение. Которых помельче, освобождайте, может и всех освободите. Тщательно изучите их и установите наблюдение. А мне в Памир придется податься!

— Что вы, голубчик, месяц туда, месяц обратно!

— Знаете, все нити там, Атаваев играет в Мурман-Памире некоторую роль, но о Москве сам ничего не знает. Надо ехать.

— Но как вы поедете.

— Старик дает мне мальчика в провожатые до города Ош. От Ош поведет меня какой-то узбек... А вот две писульки. Переводите ка!

Две бумажки были испещрены арабскими буквами.

Что за писульки?

— Одну Атаваев написал при мне, так сказать, официально, тому самому узбеку в Оше, препоручающую меня. А другую мальчику же сунул потихоньку. Но мальчуган славный, Атаваева не любит, я у него выманил обе бумажки. Больше мальчика в камеру к Атаваеву не пускайте.

— Ну-с, читаем. В одной говорится: веди посланного ханым к шайтану известными тебе перевалами и бродами, береги его от излишнего жара, а также на крутых подъемах, да пошлет тебе Аллах ясные звезды в пути и благоприятные оттепели. пади перед шайтаном ниц, поклонись также и от меня, по миновении надобности, веди русского обратно! Это официальное.

— А другое?

— Мм .. Мм... Что за чорт! Ничего похожего. Дойдя до перевала у Назир-Таша, встретишь двух людей ханым. Тогда всади русскому нож между лопаток. Тело покажешь упомянутым, после чего брось в самую глубокую стремнину. Одежду и деньги возьмешь себе, бумаги же все, какие будут, немедля привезешь в Ош.

— Вот это номер! Сели бы вы в переплет!

— Я это и предполагал. Но как же их перехитрить?

— А вот как! Письмо это мы, конечно, перепишем заново. Кроме того, завтрашний поезд на Фергану отменим (поезда ходят раз в два дня). Вы же сейчас выезжайте на мотоцикле прямо че ез горы Таким образом люди ханым не будут предупреждены о вашем проезде через Назир-Таш. Мальчугану объясните мотоциклетку связями или взяткой.

— Идет.

Часа через два Бурундук, снабженный минимумом необходимого для дальнего пути, летел в сильнейшем в Ташкенте мотоцикле по тракту. В корзине, кроме него, сидел черномазый мальчуган, слуга из дома Атаваева. Обещанием не возвращать мальчика Атаваеву Бурундук быстро расположил мальчугана к себе и мальчуган крепко к нему привязался.

ИСТРЕБЛЯЙТЕ ГРАЖДАНЕ КЛОПОВ.

По взбухшим от толченого снега пожелтевшим горбам переулков и улиц в сторону Самотеки и Цветного Сухаревка сбегала потоками весенней слякоти и грязными ручейками.

В пасмурное утро визг и изморозь валом стояли вокруг чернеющих балок веками недостроенной башни.

Все, что натоптано было толстыми валенками баб в дубленых полушубках, подкованными сапогами торговцев в белых фартуках, к полудню струилось под ногами черными струйками.

Тысячи сапог, давно разношенных и покоробленных, жирно чавкающих по воде, толкущихся на одном месте, разбухали и тяжелели.

И чем меньше становилось частной торговли по Москве, чем острей ложились линии вытянувшихся притихших зданий, с содранными порой вывесками, заколоченными лавками тем шире и шире разбухала и разливалась Сухаревка, втекая в окружающие переулки, стекая по горбам в сторону Цветного и Самотеки.

— Да, когда же, наконец, поставят у Красных ворот пулеметы, чтобы вымести всю эту мерзость?—не раз думал Точный, пробираясь и огрызаясь среди чуждой ему бестолочи и нетродового элемента.

— Или в самом деле нельзя еще этого сделать?

Теперь с поднятыми воротниками в кепках Точный и некий Ленька промозглым весенним утрем входили в этот чуждый точности мир.

Леньку Точный взял с собой не даром. Ленька немного знал подпольную Москву, водился за бутылкой самогонки с налетчиками и ворами. Когда-то приятель Точного Леньки, теперь отстал от него, не понимал событий и не увлекался революцией, проводил время в каких-то странных раз'ездах. Накануне Точному пришлось долго его разыскивать. О новой профессии Точного Леньки ничего не знал.

Со стороны Садовой-Спасской шагала взад и вперед неопределенная фигура в длиннейшем френче солдатского сукна, рыжий клок из под сбитого на затылок жеваного картуза.

Фигура шагала мерно, прямо по лужам, и также мерно выкрикивала:

— Истребляйте, граждане, клопов!

Потом мрачно, напыщено:— Смерть клопам! Потом торжественно:—Борьба с клопами! И опять — Смерть клопам!— Борьба с клопами!

Ленька остановился.

— Вот и рыжий. Рыжий!

Фигура обернулась.

— Клопинчику вам? И спохватилась.— А, Леонид Василич, откуда?

В двух словах Ленька об'яснил дело. Вот парень, хороший парень, свой, должен видеть Левку-автобандита. Рыжий чесался в затылке.

— Вас-то, конечно, я сведу, доверие полное к вам, их тоже по вашему ручательству, только товар некому поручить, опять же самое торговое время.

— Брось дурака валять, кому твои клопы нужны?

— Да, я не столько клопами...

Все трое брели уже по переулкам.

Прошли темную лестницу и по грязным коридорам и комнатам ночлежки, где стоял густой запах помоев и ношеного тряпья добрались до небольшой комнатки.

Там, из-за ситцевой в крупных цветах занавески, доносился низкий и одновременно всхлипывающий вверх, похожий на плач, женский смех, а за неуклюжим столом двое грузных квадратных, видимо, громил,—богоды лопатой,—тянули из толстых зеленого стекла вазочек кислый режущий самогон и лениво перекидывались в очко. Кое-кто еще бродил и лежал в комнате.

Рыжего приняли довольно холодно.

— А, клоповник!..

Но Леньку один из сидевших за столом узнал.

— Леонид Василич!

— Рябуша!

Даже поцеловались.

Конечно, Точного пришлось представить, как одного из «пишущих», заинтересовавшегося и т. д. Таких в Подсухареве (так называлось место, куда попал Точный) видали и относились к ним довольно пренебрежительно.

Ввалился страшно перепившийся и страшно бледный парень. Икал и кричал:

— И-эх, налетчики! Матросня шляется, брауннинги в штаны засунуты, подойдет матрос к лотку, нажрет, напьет, потом получи,—говорит,—по советской валюте, согласно нормы. А наших товарищев по стенкам, бедняжек, ставят, а за что?

Сидевший у окна, молчаливый, с бескровным лицом, аккуратно причесаный, в каких-то клетчатых велосипедных брюках, с кислым угнетенным видом, по прозванью Косточка, тихим голосом заговорил.

— И чем, скажите на милость, насилие по декрету отличается от нашего, скажем?

Проникновенный взгляд в сторону Точного.

— Филозоф, — иронически кинул Рябуша.

— Дурак, ты, дурак! Кабы так было, они, бы не щелкали нас, да не шлепали, как и при царизме, не было такого произволу!

Косточка тотчас же сдал позиции.

— Конечно, что ни говори, видать, что нет власти на земле для нас, например, благоприятной. Конечно—разумеется, сиротами умрем!

Вздохнул и добавил.

— А, вот один паренек у нас так надумал: завести—говорит—своих настоящих совнаркомов, с об'явлением свободы на все виды краж. Не пошла б такая ришпублика?

Рябуша ответил только презрительной улыбкой.

Все обернулись к двери.

— А, Левушка автобандит, редкий гость, входи, голубчик.

Автобандит пользовался колоссальным значением и всеобщим уважением в этой среде. Точный вглядывался в него. Низенького роста коренастый человек с широким красным лицом и большим острым носом, в куртке из выдры, в галошах поверх сапог.

— Что же ты, Левушка, не разденешься?

— Не в параде я...

— Да, что ты, свои, ведь, люди.

Но Левка продолжал давить страшный фасон, сел в углу и помолчал.

— На машине приехал?

— А, что же, пешком? В такую-то погоду?

С совершенно нескрываемой завистью в голосе Рябуша говорил:

— Знаменитостью ты, Лева, сделался. Который человек о тебе распрашивает. Восходящая звезда на московском горизонте.

Левка медлительно с расстановкой начал речь.

— Ох, эта мне знаменитость! Вот она мне, где сидит! Главное, сам в себе сознаю: сбнаглел чересчур. На какой, скажите, предмет, останавливать днем машину у церкви и подходить ко кресту. Ну разве это тактика? И нужен мне этот крест, да ну его к... Сам все понимаю. А вот, поди-ж ты, дай, думаю остановлю, м шину: станавлю машину и зрожу в церковь, и в какую? На Солянке, в свою, где меня каждая собака знает, родной приход. Встаю перед самым амвоном, по правую руку. Прихожане,—вижу,—глаз не сводят, перешептываются, так почтительно. Батюшка, отец Сергий, крест мне первому протягивает, первый подхожу ко кресту. Слышу все повторяют: Левка-автобандит, Левка-автобандит! Сажусь и счастливо уезжаю. Так ответьте же мне теперь. Конечно, власть приятна, почет приятен, но разве это тактика?

Все молчали, затаив дыхание. Из-за занавески высунулась голая рука. Виднелась трепаная голова. Бандит продолжал.

— Налетное дело требует практики, к примеру: сегодня намечен мною налет у Даниловской заставы. Это что значит? Значит, точно, тютелька в тютельку, в 3 часа ночи под'еду из поля к железнодорожному мосту и стану в тени. Вот! Так только и протекает работа. Вы все люди специальные и можете понимать! Угощайтесь.

Выложил на стол папиросы высшего сорта, а сам вынул из бокового кармана сигару и закурил.

Точный подсел к бандиту.

— Я к вам имею дело.

Серые глаза впились в Точного каменно и зло.

— Ну?

Довольно сбивчиво, намекнув на грабеж за Преображенской заставой, Точный просил дать какие-либо сведения о людях, перевозивших наркотики и сделавшихся жертвами бандита.

Но добиться чего-либо от Левки не было никакой возможности.

Он казался чрезвычайно пораженным.

— Ничего не знаю, совершенно ничего. Даже вопроса вашего не понимаю.

Тихим голосом, деликатно, вмешался Косточка.

— Вы собственно, не по адресу обратились. Лева могут и не знать по этому вопросу. А это вот где знают: в Главлипе.

Точный чуть не свалился с ног от удивления.

— Где?

— В Главном Липовом Учреждении, в Главлипе, то-исть, ну где бумаги всякие заготовляют. У Федора Андроныча. Они дела с теми людьми вели.

— А как же туда попасть?

— Что же, можно уважить, проводить вас туда хоть сейчас. Это рядом!

— Ах, пожалуйста!

Пошли. Ленька остался.

Осторожно огибая лужи, с постоянным своим кислым видом Косточка вел Точного через Сухаревку.

— Заливается наш кенарь—кивнул он в сторону лотков.

В сыром промозглом воздухе доносилось дребезжащее:

— Истребляйте, граждане, клопов!

— Смерть клопам!

— Борьба с клопами!

ГЛАВЛИПА.

Точный первую минуту был поражен, почти подавлен, так внезапно развернувшейся перед ним необ'ятностью и организованностью подпольного мира.

Поразили его также совершенно неожиданное простодушие и приветливость всех этих Косточек, Рябуш и т. п.

Но то, что его ждало, превзошло все ожидания.

В подвале заброшенного полужилого дома перелезли через груды бочек, досок, кирпечей и постучались в железную дверку.

Высунулся чей-то нос, пошептался с Косточкой, и они вошли.

Подвальная комнатка в одно окно, теплая, чистенькая, прекрасный письменный стол с малиновым сукном, с солидный письменный прибор, уютное кресло, телефон.

Все напоминало какую-то особенно аккуратную канцелярийку какого-нибудь из бесчисленных отделов. Немного портил картину только мрачного вида бандит, перевязанный к тому же клетчатым платком с большими ушами, торчавшими кверху, ожесточенно лупивший по «ундервуду» в углу.

За письменным столом восседал гладкий розовый старичок в очках и валенках.

Приветливо взглянул в сторону Точного.

— Вы ко мне? Присядьте, пожалуйста, одну минутку!

Точный неловко присел, чувствуя себя совершенно определенно посетителем кабинета ответственного работника.

— Да, может, это действительно какое-то официальное учреждение.—мелькнуло даже в его голове.

Старичок написал еще что-то, аккуратно сложил кипу бумажек, скрепил их аккуратной скрепочкой и взял трубку.

— Воткните, пожалуйста, — крикнул он куда-то.

Ага, телефон то все же не городской, а где-то соединяют с городской сетью.

Старичок вызвал какое-то советское учреждение из крупных.

— Такую-то к телефону! — Вы?

— Да, да, я, Андроныч!—Барышня будете так добры, оставьте мне два исходящих №№ сегоднешнего числа. — Да, да.— 4202 и 4203.—Хорошо, хорошо... Содержание дополнительно!—Пока!

Старичок провел какие-то бумажки по реестру и обратился к Точному.

— Пожалуйста!

Косточка сказал Андронычу несколько слов: вот, пишет рассказы, просил познакомить...

Андроныч расплылся. Крепко пожал руку Точному.

— Очень, очень рад. Давно хотел бы познакомиться. Деятельность нашего учреждения нуждается в освещении в печати, разумеется, осторожном. Будем знакомы.

Дальнейшее удивительно напоминало серьезное, ответственное интервью.

— Задачи наши? Ну, конечно, на первом плане, чисто, так сказать, утилитарное. Подработать, конечно, деньгу. Но вместе с тем, ведем борьбу со шпаной, случайными торговцами липой. Могу уверенно сказать, в нашем районе достаточно появиться кому-нибудь без нашего ведома с продажей липы, как мы же его и предоставим в милицию. Вот.

...Я по липовому делу пошел с детства. Меня все знают. Аккуратность исполнения, точность, цены вне конкуренции. Этим и достиг современного положения.

...Образчики моей работы!

Старичок поднял выдвижную дверку в стене. Открылся ряд четырехугольных ящичков с четкой надписью на каждом. Здесь лежали печати, штампы, бланки.

— Произведения каллиграфического искусства! Бланки и печати! Большого и малого Совнаркома! Документы на слоновой бумаге. Все наркоматы! Совдепы, что хотите! ...Подделываем и старые частные фирмы, совершающие теперь сделки подпольно. Также и офицерские организации. Все, что надо.

Искры гордости блестели в глазах старичка.

— Милиция? Чека? Дважды нападала на наш след. Благополучно уходили. Лишнего народу не принимаем. Только надежных. В этом помещении всего неделю. Скоро опять переберемся.

— Технические средства? По штату нас всего трое: я, машинист и посыльный. Имею в своем ведении мастерскую по изготовлению печатей и бланков, на нее-то дважды и нарезалась милиция.

...Связь? Торгуют и заказы принимают наши ребята преимущественно на Сухаревой, но и на других рынках. Мы же непосредственно дел ни с кем не ведем, исключая, крупные организации. Вот, например, мандаты для Левы-автобандита. Этому самому пишем. Понятно. Вот проездные документы для организации «Транспорт товаров Москва—Ташкент, Москва — Мурманск». Молодая организация, но крепкая. Постоянные наши контрагенты...

— Постойте, постойте. Об этой организации я с вами и хотел поговорить.

— А в чем дело?

— Видите ли, мне самому приходилось заниматься подобными делами. Я, знаете ли, сам езжу в Ташкент, случается привозить, знаете..? Я о них много слышал. Думаю, не согласоваться ли нам как-нибудь.

— Мы... О них настоящего никто не знает: ни мы, ни кто. Крепкая организация. Но направить—я вас направлю, может, они вас как-нибудь и используют. Только, если до сути думаете добраться, не мечтайте! Ничем не дойдете!

— Да мне это ни зачем не нужно!

— Ну, что же сводить вас можно будет. Когда у них бывает-то кто нибудь?

Бандит, подвязанный платком, перестал стучать на машинке и скрестил руки на груди.

— С 10 часов утра у них присутствие. Угреватый бывает. Я завтра отведу, пожалуй!

— А куда же мне зайти? — спросил Точный.

— Ровно в 10 часов у Сухаревой башни. Физиономию запомните. Только чур по часам. Точно. Мигом обернемся.

— За точность не беспокойтесь!

Точный улыбнулся.

Старичок жал ему руку.

— Очень рад услужить. Всего вам! В случае нужды—к вашим услугам.

На улице Косточка, прощался также сердечно.

— Захаживайте!

Было уже 4 часа дня. Точного встретили широко раскрытые глаза Мартьяныча.

— Ну?

Точный сиял.

— Дело обделано!

— Да как?

— Вот тебе и как. Слушай. Завтра в 10 ч. утра иду в Мурман-Памир.

— Неужели?

— Вот тебе и неужели! Не верил, что сами справимся! Но сегодня ночью предстоит другое дело. Мне Левка-автобандит не дает покоя. Хочется его забрать. И опять-таки самим, вдвоем. Он ведь один ездит!

— Да каким образом?

— Сейчас узнаешь. Пойдем просить машину у Т.

— А дадут ли? Одну уж испортили мы им.

— Дадут обязательно. Только вот что: ты же управляешь прилично. Обойдемся без шоффера. Ну их, этих шоффероов!..

ЖУТКАЯ НОЧЬ КОМСОМОЛЬЦЕВ.

СТАНОВИ здесь машину! За мостом! Туши огни! Здесь простоим до 3-х часов! Оттуда вон должен будет вылететь в 3 часа автобандит. Мы его примем: прострелим шины.

— Слушай, а раньше он не под'едет?

— Нет, нет! Это я знаю наверно. До 3 часов мы должны быть совершенно спокойны. Сейчас половина первого.

— А, не хорошо, что мы, выехавши из-под моста, не сразу потушили огонь: вдруг, он поблизости где-нибудь стоит в поле.

— Не хорошо, ну да ведь это было одно мгновенье.

Мартьяныч и Точный вылезли из небольшого Форда и вглядывались в ночную темь, развертывавшуюся за линией железной дороги. Нигде не было видно ни огонька.

— Ну, и погодка!

Страшная буря гнала потоки ледяного дождя в лицо, под ногами безбрежно плескались лужи, ветер рвал.

— Слушай, это мне показалось?

— Что?

— Зеленый, как-будто, свет. Вспышка. Не прямо по дороге, а в сторону, по дороге от фабрики Катуар.

— Знаешь, мне тоже как-будто.

— Стой, стой. Красным полыхнуло. Точно спичкой чиркнуло.

— Да, но это ерунда. Луна, может, между туч. Или еще что-нибудь. Во всяком случае ехать в такую погоду, да еще по этим пригоркам без огней невозможно, это совершенно ясно.

Опять как-будто чиркануло: красным—зеленым.

Вдруг внизу на бревенчатом мостике глухо прогрохотало.

— Ой, ой. Что это?

— Ветер?

Прямо по дороге красный свет с силой ударил в глаза.

— Точный!

Что-то вырвалось из темноты, звездануло Мартьяныча, так что тот закрутился и, ударившись головой о камни, бухнул в полную воды канаву.

Точный отскочил на середину шоссе, по колена в лужу. Из остановившейся молнией машины, кто-то кошкой прыгнул ему на плечи. Точный свалился. Железные пальцы стиснули ему горло. Мгновенным, мимолетным движением, точно мимоходом, с него сорвали оба револьвера. Подняли, как котенка, и всунули в железный ящик, над головой щелкнула крышка.

Мартьяныч поднялся, шатаясь, с разбитой головой. Кровь ли, вода ли, заливала лицо. Попробовал крикнуть. Голоса не было. Зеленый свет резнул глаза. Кто-то хватил его опять по голове. Мартьяныч расставил руки, и, как туша, навалился на бандита. Тот рванул Мартьяныча из

канавы на дорогу. Потом стряхнул с себя, как пылинку, и еще раз хватил по голове. Последовала та же процедура, как и с Точным. Мартьяныч помнил, что не давал засунуть себя в отверстье, но, наконец, крышка над ним захлопнулась.

Мартьяныч придавил всем телом Точного.

— Ты?

— Где мы?

— Под кузовом автомобиля.

— Орать?

— Не имеет смысла.

— Что это?

— Затрещал наш Форд... поехал...

— А мы?

— Стоим на месте.

— Пробуй выбиваться!

— Теряю сознание...

Форд от'ехал куда-то и затих. Наступила тишина. Потом грузные шаги приплескали по воде. Кто-то тяжело сел в машину.

— Едем, мы, что ли?

— Ой, едем.

Машина понеслась, слышно было как выхлестывались целые потоки воды.

— Как все это вышло?

— Очень просто. У него приспособления для света: по мере надобности пропускается только узенькая мгновенная полоска осветить дорогу перед колесами, к тому же цветная, да еще меняющая цвет. Кроме того, повидимому, великолепный глушитель для мотора, слышишь, как бесшумно идем.

— Верно. Чорт знает, как ловко. А что же он с нами сделает?

Наступило молчание.

Машина встала.

— Выходи!

Мартьяныч стал подыматься.

— Да не сразу, не сразу. Прикокошу! Одну руку давай. Другую.

Тонкий ремень охватил тело Мартьяныча. Потом его вытащили из ящика только для того, чтобы окрутить ремнем и ноги.

Дождь и мокрый снег слепил глаза. Кругом ни зги. Шумели какие-то кусты.

Также поступили и с Точным. Потом тяжелый, знакомый Точному, голос автобандита спросил:

— Кто такие будете?

Комсомольцы молчали. Красный свет, потом белый полыхнул в лицо. Бандит приблизился и вруг зарычал:

— А, пащенок, сволочь немазаная, ты же у Рябушки вчера сидел! Я дурак, как честному, всю правду выложил, а ты и тут, как тут. Я добром, а ты, вот с чем! Отвечай, ты или нет? Молчишь. Ну, да ладно, сделаемся! Пяточки поджарим, поговоришь! Полезай в собашницу. Сперва на потраву со мной выедешь!

Опять бандит засунул обоих дав ящик. Предварительно обоим заткнул рот воняв-шими бензином тряпками. Не ограничился на этот раз запиранием крышки, а прикрутил обоих особым ремнем к скобам внутри ящика. Крышка захлопнулась. Комсомольцы задыхались...

Спустя некоторое время тронулись. Машина шла плавно, не спеша. Встала. Все затихло.

Только звенели по кузову и по лужам дождевые капли. Один раз где-то, недалеко, прошумел поезд. В непосредственной близости от машины колеса глухо заворчали. Поводимому, были в тех самых местах, где комсомольцы попались. Стояли под мостом или около.

Точный давно уже работал языком, выталкивая тряпку и, наконец, ему удалось это сделать. Тотчас он, неимоверно вытянувши голову, зубами вонзился в ремень Мартьяныча, приходившийся по близости, но задача эта была нелегкая.

В это время послышался неясный приближающийся шум телег. Потом резкий голос над головой комсомольцев гаркнул:

— Стой, бросай оружие!

Шум сталкивающихся телег, топанье лошадей, голоса. Потом опять резкий окрик.

— Клади мануфактуру, отдай деньги!

Выстрел. Беготня. Машина пришла в движение. Плавно качнулась вперед, назад, повернулась. Все это очень напоминало сцену недавнего ночного боя. Ругань сверху и ругань со стороны усиливалась.

Вдруг неподалеку трахнул винтовочный выстрел, другой. Сверху затакал револьвер-пулемет. Машина рванулась вперед и скатилась куда-то вниз, потом опять вверх.

— Не уйдешь!..

Опять машина плясала на месте. Выстрелы не умолкали.

Точный рванул ремень зубами из всех сил, кровь хлынула из зубов, но ремень лопнул. У Мартьяныча освободилась одна рука. Он стал стаскивать ремень и уперся изо всех сил в крышку. Крышка выгнулась и отскочила.

Машина опять рванулась вперед, но вдруг страшный удар потряс ее. У комсомольцев в глазах все побелело. Раздался звон и треск. Исступленный голос автобандита вопил.

Мартьяныч высунул голову, но выскочить еще не мог, ремень его удерживал.

Точный бешено вгрызся в ремень в новом месте. Глазам Мартьяныча представилась странная, дикая картина.

Машина, напоровшаяся на какой-то предмет, может быть нарочно брошенный или подложенный противниками бандита, висела в воздухе. Широкая улица предместья при свете чуть брезжившего рассвета. Небольшая кучка людей жалась в воротах или по тротуарам, изредка посылая одиночный выстрел в сторону машины. Автобандит каким-то нечеловеческим рычанием, хватая себя за голову, выкрикивал порой:

— Испакостили ненаглядного моего! У, у злодеи!..

Бегал посредине улицы, размахивал огромным револьвером.

Вдруг завопил:

— Не тронь, не тронь, вагона! Прочь от вагона, синезадый!.. Пришибу!

И стал осыпать пулями стоявший на линии вагон трамвая. Кондуктор, пригибаясь и прячась, пробовал двинуть вагон в сторону города. Несколько человек виднелись в вагоне и на площадках.

Отступали противники бандита, что ли?

Нет, очевидно, они хотели ехать за помощью, рассчитывая, что бандит, севший на мель, не успеет спрятаться, и удастся захватить его главный козырь, удивительную машину.

Стекла вагона сыпались. Но вагон все же сдвинулся. В ранней тишине пение вагона отозвалось в ополоумевшем бандите прямо дрожью, чуть ни судорогами по всему телу.

И здесь произошло нечто совершенно исключительное, чудовищное.

С градом ругательств, разбежавшись и сделавши какой-то пируэт в воздухе, бандит, прыгнул на столб трамвайной линии зацепив сразу больше, чем на треть вышины.

Еще через секунду сидел уже наверху и чем-то рубил провода.

При этом проявил огромное знание техники: не задумываясь сразу начал рубить тот провод, который был для двинувшегося трамвая особенно важен.

Противники бандита были так поражены этим вольтом, что даже прекратили стрельбу. Потом пули засвистели с новой силой, но бандит казался заколдованным.

Несколько проводов уже упали. Минута—и вся сеть с грохотом, извиваясь, рухнула. Трамвай, отъехавший пол квартала словно подшибленный, остановился. Оттуда посыпались люди. Кое-кто побежал в сторону города за милицией. Бандит же камнем скатился со столба.

Продолжение было также дико и неожиданно. Кряхтя и испуская ругательства, выкрики злобы и ласкательные названия по адресу сломанной машины, бандит впрягся и волочил ее на себе по направлению к мосту. В обоих руках его было по револьверу, в зубах обойма. Изредка рядом или сбоку появлялась человеческая фигура, на которую бандит яростно огрызался. Так, совершенно невредимый, он протащил машину не один десяток саженей и выволок-таки на горку, к мосту.

Поставил ее за углом моста и привел в действие два укрепленных, около руля, револьвер-пулемета. Револьвер-пулеметы работали механически, по истощении запаса патронов одного, начинал работать другой.

Сам же бандит куда-то провалился.

Комсомольцы начали звать на помощь, но никто не смел показаться из-за устоя моста, до тех пор, пока весь запас патронов не израсходовался. Тогда отдельные головы стали появляться из-за уголов и на линии железной дороги. Головы выглядывали и прятались. Потом отдельные люди, видя пустую машину, осторожно начали подходить. Бежали также сзади, со стороны Даниловской мануфактуры.

Мартьяныч перервал второй ремень и все же не мог вылезть. Вдруг подходившие кинулись врассыпную. Под горой, что-то затрещало.

— Форд!

Действительно, буксуя на крутом подъеме, бандит вылезал на Форде, предусмотрительно спрятанном им ночью, где-то поблизости.

— Прочь от машины, черти рогатые, кто только останется, жить не будет!

Подкатил. С лихорадочной поспешностью прикрепил свою машину цепью к Форду. Пробегая около комсомольцев, мимоходом хмуро и деловито, захлопнул крышку «собашницы». Потом машина понеслась, купаясь в лужах.

Ехали довольно долго. Метались по пригоркам, проселкам и прямо по снегу. Потом встали. Крышка открылась и бандит выхватив за воротники комсомольцев, швырнул их на лужи и снег и больше не замечал. Мартьяныч счел полезным укрепить свои ремни настолько, чтобы в случае надобности мог их скинуть в любой момент, пока же скрыть, что они порваны. Оба — заткнули себе рты тряпками.

Лицо бандита было совершенно неузнаваемым. Зубы оскалены, изо рта пена, глаза бегали. Он метался около машины, испуская сквозь стиснутые зубы нечленораздельные звуки.

Поднял машину на подставку, раскрыл, вертелся волчком. Это была сумасшедшая починка. Инструменты из ящика со звоном, дождем бухнули на снег, летали из одной руки в другую. Он жонглировал инструментами, кидался на машину, под машину, в машину. Хватал части пальцами, ногтями, зубами. Части и инструменты иногда взлетали в воздух над его головой.

Огрызаясь, выбегал на соседний пригорок (машина стояла в ложбине под сводами елей), вглядывался вдаль, и опять с воплем несся обратно. Комсомольцы не могли оторваться, как зачарованные, от этой починки.

Постепенно гонка сменялась упорным напряженным вниманием. Жилы на лбу бандита вздулись. Он стоял на коленях возле машины внимательно и напряженно слушая. Раздался треск, сперва слабый, потом уверенный. Бандит еще раз завел. Машина загрохотала с обычной силой. Мотор работал четко, без перебоев. Лицо бандита совершенно переменилось. Полудетская, полусумасшедшая радость заплясала на этом лице.

Высоко подпрыгнул, подбросил в воздух инструменты, закружился вокруг машины в бешеном танце. Больше он уже ничего не боялся и не выбегал на пригорок: его машина была в порядке.

Его машина была кареткой, но комсомольцы разглядели, что это была та же машина, что и прежде. Каретка была фальшивая, приставная. Бандит продолжал находиться в том же диком порыве, даже, смеялся и пел.

— Ныряй, лягаши моченые, — крикнул он втаскивая комсомольцев в их же Форд. Нырять пришлось в полном смысле, потому что в Форде плескалась вода.

Минуту бандит над ними подумал, потом зацепил Форд на буксир, влез в свою машину и помчался. Неслись какими-то проселками, деревнями. Кружным путем, где-то около Рогожской, вошли в Москву.

На улицах уже попадался народ. Странная поездка вызывала внимание. Бандит ни с чем не считался, надеясь на скорость хода. Оборачивался в сторону пленников, строил рожи, отпускал ругательства.

Вдруг бросил руль, одним прыжком очутился на крыше каретки. Машина бежала сама. Бандит лихо выплясывал чечотку.

— Так, так, д-рас-так-так, так, так... Эхх, лихо! По нашенски, да не по вашенски! Кобели маринованные, вам с книжками в сортирах сидеть, головы газетной бумагой набивать, а не машину водить! Так, так..

Вдруг падал назад, свешивался с каретки вниз головой, чуть заметным ударом ладони передвигал руль, выправлял ход машины.

Плясал все время задом к направлению машины. К гда надо был перевести руль, чувствовал, не оглядываясь, и переводил всегда во-время.

Милицейский, в недоразуменьи, поднес было свисток ко рту, но машины пронеслись, как вихрь.

Взлетели по крутому Китайскому проезду.

— Ну, собачня паршивая, попомните Левкину работу, купайтесь, гады!

И перерезал веревку, на которой держался Форд.

Левкина машина пропала наверху. Машина комсомольцев, все усиливая ход, понеслась вниз, должна была неминуемо расшибить ветхие перила набережной и очутиться в Москве-реке. Отпущена была в такой момент, что летела без риска зацепиться за что-нибудь по дороге.

Мартьяныч скинул подрезанные ремни и стал мучительно вырываться из оставшихся. Машина неслась. В тот момент, когда до перил оставалось уже несколько саженей Мартьянычу удалось поймать руль и круто повернуть машину. Она завертелась волчком, бахнула в решетку одним боком и застряла, повиснув в воздухе колесом. Рем и Тонго были одним моментом разрезаны. Машина выставлена на мостовую.

Подбегал милицейский.

— Хулиганье, что делаете, откуда машина?

— Делаем то, что нам надо, — хмуро ответил Мартьяныч.—А ты тут не причем!

— Откуда, спрашиваю, машина?

Показали удостоверение. Милицейскому пришлось стушеваться, хотя вид у ребят был действительно подозрительный: вымокшие и помятые.

Тихонько катили по направлению к Лубянке. Не могли притти в себя от событий протедшей ночи.

Вдруг Точный спохватился.

— Который час?

Часы на бульваре показывали пять минут одиннадцатого.

— Ведь, мне же в 10 час. к Сухаревой. В Мурман-Памир итти! Гони скорее!

Мартьяныч помолчал.

— Слушай, Коля, я во всяком случае не пойду. Я совершенно избит и устал. К тому же надо отвозить машину.

— Я пойду один,—сказал Точный.

— Я и тебе, Коля, не советую.

С этой минуты стена легла между двумя друзьями. Судьба их отныне разделилась. Мартьяныч вернулся к своим книгам, Точный пошел навстречу смертельно опасным приключениям. Мартьяныч еще пробовал его отговаривать.

— Не отдохнув, после такой-то ночи?

Точный только пожал плечами. Не доезжая Сухаревки, машина остановилась. Мартьяныч крепко жал руку товарища. Долго, не отрываясь, смотрел вслед фигурке Точного, решительно зашагавшей по Сретенке.

ТОЧНЕЕ ТОЧНОГО

Когда Точный подошел к Сухаревой башне, главлиповец уже сидел, опустив голову, засунув руки в карманы. Огромные уши того же клетчатого платка выделялись издалека на фоне башни, словно крылья ветряной мельницы. При виде Точного он вытащил из кармана плоские серебряные часы и обиженно протянул их.

— Двадцать минут одиннадцатого!

Точный разводил руками.

— Простите, товарищ, не мог никак! Очень был занят! А вы-то давно меня ждете?

— Мы-то, как условлено, без ошибочки, в десять часов! Точнее точного!

Точный рассмеялся.

— Да, да! Вы совершенно правы! Вы действительно оказались точнее Точного.

Этот случай привел его на минуту в хорошее расположение духа. Парень вглядывался в Точного.

— Да, чтой-то с вами неподобное, ровно вас купали, или что? Бледные какие. Откуда это вы?

— Это ничего, совершенно ничего! Я, знаете, не спал ночь!

— Так вы бы пошли соснуть!.. Что за напасть к ним иттить! Можно бы завтра!

— Нет, нет, уже давайте сейчас! Да это, ведь, и недалеко!

— Недалеко-то недалеко. Возле Трубы. В самом, конечно, центре города, устроились. А то подождем до завтра?

— Нет, пойдем!

Пошли.

Наконец, главлиповец отчетливо произнес:

— Здесь!

На одной стороне узенького переулка торчала вывеска:

— «Продажа ненормированных продуктов. С разрешения властей. П. Л. Мурман».

На другой—вросшая в землю дверка с корявой надписью:

«Памир».

— Что за чертовщина?

Точный в горестном недоумении переводил глаза с одной вывески на другую. Разом ясно представилось: угол Арбата, последняя в этом году мятель, две фигуры и:

— Я у Мурмана!

— А я в Памире!

И тогда же он себе сказал: значит, Мурман-то Памир существует. И вот. Как все просто!

Взялся за ручку двери в лавку Мурмана.

Дверь открылась и пропустила вошедших. Дверь за вошедшими закрылась. Но не открылась уже после этого целый день. Товарищ Точный через эту дверь обратно не вышел. Ни в этот день, ни в следующий. На третий день встревоженный Мартьяныч прибежал в Чрезвычайную.—Где же Точный?—Нет Точного!—Да куда же он делся?

— Пошел разыскивать Мурман-Памир!

— Что за ерунда. Вернется!

Но дни проходили. Точный не возвращался.

Через несколько дней товарищ Т. говорил:

— Да где же Точный? Почему он не приходит.

Собеседник его ответил:

— Не вернулся! Провалился в своем Мурман-Памире!

Сказал и вдруг посмотрел в глаза товарищу Т. и прочел в них ту же мысль, что мелкнуло у него.

Именно:

— Ведь, пожалуй, Мурман-то Памир и существует!

Но в этот раз эти слова не были произнесены в Чрезвычайной.

Они были произнесены значительно позже.

— А время-то идет!

— Мм...

— И никаких сведений ни из Мурмана, ни из Ташкента!

— Никаких.

— Так, ведь и июнь месяц скоро на носу будет.

— Будет!

(Продолжение следует).

Американскому секретарю по иностранным делам.

Вы обвиняете нас в том, что мы не считаемся с международными законами, не выполняем наших обязательств и ведем коммунистическую пропаганду в Соединенных Штатах. А то, что Вы проделали м-р Юз, на Аляске в г. Номе, в июне 23 г. с нашими 2-мя красноармейцами и с рыбой в трехмильной зоне.?! Разве это не является своеобразным проявлением анти-правительственной пропаганды и нарушением международных законов?

Е. Бывалов—Зюд-Вест, „Тихоокеанский волк", инициатор кораблей-приютов, сотрудник „Борьбы Миров".

I.

СТЮАРД!

— Сэр?

— Нам поставили двух сухопутных советских крыс.

— В спринцовках, сэр?

— Да. Скажите коку, чтобы он их кормил на убой. Чтобы в нос этим идиотам шибануло. Они кроме каши и рыбы никогда ничего другого не видели.

— Слушаю, сэр.

— Виски и рому не жалеть. А теперь попросите мистера Пирс.

Капитан Симпсон командует американской шкуной «Эскум» Сев-Торг. Ко Феникс. Плечистый. Лицо смелое, гладко выбритое. Серые глаза. Острый взгляд. Ему 35 лет. Ни одного фунта жиру. Кожа, кости и мускулы. Рисковитый. Хороший моряк. Компания «Феникс» с ним очень считается. Он прекрасно знает Камчатку и Анадырское побережье. Ждет

СЛУЧАЙ НА ШХУНЕ ЭСКУМ.

Е. Бывалов,-Зюд-Вест.

штурмана. Шагает по небольшой каюткампании, что-то обдумывает, злится.

— Как удрать из порта. Проклятый Анадырь. Да как не злиться? Вышло чортовски глупо. Советские власти задержали «Эскум».

Как? А так, очень просто. Взяли и задержали. Капитан Симпсон обвиняется в незаконном плавании в советских водах.

Приходится стоять в этой чортовой дыре. Ни он, ни команда не арестованы. На берег пускают. Гуляй сколько угодно. Лови рыбу. Стреляй дичь, да что толку. Нет, надо удирать. Посмотрел на барометр. Эх, если бы хороший штормяга... А большевики?.. Пусть прокатятся!

II.

НА НОСУ стоит Седых. В руках винтовка. Зорко смотрит за тем, что делается вокруг. Первый раз на судне. Молодой. Силяный. Из-под шлема смотрят добродушные голубые глаза. Боцман возится с лапкой Яркие губы как-то по-детски улыбаются.

На корме Шахов. Этот посерьезней. Ему не по себе. Он весь какой-то сухой. Жиловатый. Оттого что чуть-чуть покачивается его мутит. Не выносит Шахов качки. Вышел толстый, румяный Стюард.

— Галло... Манфни. Каррашо?.. Соте он. Понимай.

— Ясно—шамать?.. Сейчас.—Смеется Седых и оба красноармейца идут в каюту. Спустились. Глаза разбежались. Ничего подобного, ни один, ни другой никогда в жизни не видали. Чорт знает с чего начинать. Стол заставлен бутылками консервами. Сардинки, омары, паштет, сыр, копченый гусь, языки, пикули, виски,— хоть залейся.

— Именины, что ли?—подумал Седых.

На первое подали: суп из бычачих хвостов, свинину, бобы и портер, потом оленину с картофелем, рагу из кроликов, ветчину с яйцами, пирог с куриными печенками и джин. Потом цыплят в консервах, саговую кашу с вареньем, пудинг и портвейн. Седых и Шахов с жадностью набросились на еду. Стюард усердно подливал Кок-тэйль. Приговаривая:— Карраша? Думал:—и аппетит...

В голове зашумело:

Шахов подмигнул товарищу: Ты братишка, не того, сам знаешь, что за народ... Меня укачивает, я пойду наверх, там не так душно... Полез на палубу.

— Не спроста все это... Не прохлопать бы... эх качает проклятую. Чорт его знает, чего они замышляют. Осмотрел запор. В голове звон... Мутит... Противно... И чего это Седых капается.

III.

МИСТЕР Пирс,—барометр падает: будет шторм .. Только дурак не воспользуется этим. Крысы в спринцовках лежат без задних ног. Стюард накачал их.

— Канат расклепать без шума! Рифы взять заблаговременно! Якорь можно оставить на память большевикам. Ветер нам попутный. На Аляску в Ном рукой подать.

— А если они подымут тревогу?

— Связать.

— Концов можно не отдавать?—спросил штурман.

— Ясно, обрубить. Команде выдать рому. Побольше.

— Слушаю, сэр.

Мистер Пирс пошел на бак. Пошептался с боцманом. Команда принялась за работу.

Налетел порыв ветра. Засвистел в такелаже. «Эскум» стало покачивать сильнее. Капитан потирал руки.

— Все в порядке?

— Да, сэр. Зарифились...

— А большевички?

— Один, тот, что постарше, блюет, чтоб его побрали сорок морских чертей. Боцман ругается. Всю палубу изгадил.

— А другой?

— Отдыхает. Они посменно. Тот, что блюет все спрашивает у боцмана, что это

мы делаем. Тот ответил: готовимся к шторму.

— Молодчина боцман. Скажите, пусть ему дадут добрый глоток рому.

— Ну, а этот, как его, Бобби?

— О, этот не опасен. Это—не большевик. Он из хорошей русской семьи, да вы же его знаете. Он посматривает за этими двумя.

Борис Петров или Бобби. Сын генерала. Бежал с белыми из Архангельска. Отец Бобби переменил фамилию. Теперь он Петерсон. Живет в Америке. Бобби тщательно скрывает, что он русский. В особенности здесь в Анадыре. Боится—снимут. Бобби восмиклассник. Высокий. Худой. Малокровный. Сутуловатый. Косит. Начитался морских приключений. Большое свинство со стороны писателей. Сколько они молодых людей покалечили... Сидит в кабинете и пишет морские небылицы. Моряки у него обязательно ребята здоровые, сильные. Счастливые—плавают на чудесных судах. И обязательно в тропиках. Кутят на берегу. Пользуются исключительным успехом у женщин.

Бобби несмотря на то, что его уговаривал отец не итти в море, подписал контракт на «Эскум». Чем он хуже других? Сейчас он проклинает минуту и секунду, когда он впервые стал на палубу этой вонючей посудины.

— Проклятые писатели. Пишут всякую белиберду... Чорт знает, что бы он дал, чтобы вернуться назад.

В кубрике душно. Накурено. Течет с палубы. Тесно.

— Чорт меня побери, Бобби, если я понимаю, за каким дьяволом вы пошли в море. У вас богатые родители. Ходили бы в колледж. Танцовали-б Фокс-трот. Играли в футбол. Нет, вас черти принесли отбивать у нас хлеб, — ворчит белокурый Эриксен.

— Да, вы правы. Отец говорил, да я не послушал. А все эти писаки. Взять бы его, мерзавца, сюда.

— Разве это кубрик?—ворчит Эмсли.— Проклятый Борд-оф-Трэд. 6 кубических футов помещения. А где они?—ругался Джефф.—Два месяца тому назад я купил о с л и н ы й з а в т р а к. Уже сгнил. А почему? Палуба не конопачена. Взять бы этот прелый матрац да загнать в глотку кому-нибудь из этих толстопузых чертей: из «Феникс» К-⁰,—ругается рыжий Падди.

— Лучше бы эти чернильные души писали правду, тогда бы такие юнцы как вы, Бобби, не лезли бы в моряки,—бросил Эриксен.

— А торговая палата не выпускала бы из порта в море в шторм такие плавучие гробы,—добавил Вудс.—Ишь, как ревет...

— Хозяевам давно пора сдать на слом эти чортовы посудины,—бросил Эринсен.

— Жадные черти, — ругался плотник Эмсли.

Бобби молчал—он знал, что его отец состоит пайщиком «Феникс» К-⁰.

IV.

ВСЕХ наверх,—вполголоса раздалось с палубы.

Матросы зверски ругались. На корме Симпсон весело потирал руки. Штурман Пирс у штурвала. Боцман у кливеров—на баке. Шторм ревел во-всю. Матросы носились колбасой. Шхуна неслышно оделась парусами: рванулась к выходу. Седых услышал возню на палубе. Поднялся наверх розыскал товарища.

Укачался Шахов. Лежит, как колодка. Позеленел. На изнанку выворачивается. Рвет желчью.

— Слышишь Шахов... Неладно... Товарищ... Видишь?..

Слышит по виду Шахов, а подняться не может. Точно отнялось все. Звенит в голове. Противно во рту. Тошнит.

— Мм-уу-э-у... Рвет внутренности...

— Видишь? Гикают... Сигнал... Надо дать знать... Тревогу...

Схватил Седых винтовку... Звякнул затвор...

Вдруг, что-то дернуло с страшной силой. Сбило с ног. Стукнуло об борт. В глазах потемнело. Инстиктивно за что-то ухватился. Через секунду слух ухватил рев уходящей водяной горы. У фок-мачты, на палубе лежит Шахов. Белый, как мел. Раскинул руки. Мокрый. Без сознания. Очнулся Седых. Пришел в себя. Оглянулся вокруг. Шхуна неслась как сумасшедшая. Советский берег, рукой подать... Доплыть можно. Заметил спасательный круг... Схватил... Хотел вытащить... Вдруг: «Руки прочь...».

— Не отдам.—Мелькнуло в мозгу.

— Брось круг, большевистская свинья.

Кто-то вырвал винтовку. Щелкнул затвор. Послышались удары. Шахов очнулся. Хотел помочь товарищу. С трудом приподнялся. Искал глазами винтовку. Не нашел. Шхуну резко качнуло. Сильно накренило. Черпнула бортом воды. Зыбью сильно стукнуло головой о что-то твердое. Страшная боль. Потемнело в глазах. Кто-то наступил сапогом. Палуба куда-то уходит. Проваливается.

Море беснуется. Ветер злобно ревет. Кливер-шкот лопнул. Заводят новый. Штурман ругается. В горб, кровь, распятье в богородицу. Шхуна уходит все дальше и дальше.—Амба.—Пронеслось в мозгу. Потерял сознание.

V.

„ЭСКУМ“ старое грязное судно. Запущенное. Когда оно зарывается носом в зыбь, на палубу обрушиваются десятки тонн воды. Шахову и Седых каждую минуту кажется, что «Эскум» вот-вот пойдет ко дну. Лежа в вонючем кубрике, они не могут притти в себя. Во всем теле нестерпимая боль. Головы не поднять. С грохотом носится банка с дешевым апельсиновым вареньем. В шкафчиках пищат мыши. Звенит жестяная посуда. Корпус жалобно скрипит и вздрагивает от ударов зыби. Немыслимо уснуть под несмолкаемый гул яростного моря. Чоровка музыка. На палубе еще хуже.—Море ревет.

Наверху воют. Это сбивают шка-шкот.

Ни Седых, ни Шахов никогда не были в море. Да еще в такую погоду... Им кажется, что это кашмарный сон. Показалась голова Стюарда. Зовет: Соте он... Скорей...

С трудом вышли...

Не рассчитав качки, Шахов чуть не вылетел за борт.

...Кричит Стюард.

Его схватил Седых.—Без морских ног нельзя, — смеется толстомордый Стюард. Ничего не поняли красноармейцы. Чорт знает, как эти черти на ногах держатся,—промелькнуло в мозгу у Шахова.—Вошли в каюту. Капитан сидел за столом. У камина—тот длинный, косой, которого зовут Бобби, пошевеливает огонь. Капитан налил здоровенный стакан. Протянул его Седых.—Отказался. Не до того.

— Карр-а-шшо... Scotch whisky,—уговаривал капитан.

Не соглашались.

— Что он говорит... Упоминает „Sowiet Russia“.

— Улещает.—Подумал Седых.

Шкипер обратился к тому, которого зовут Бобби. Длинный заговорил по-русски. Чисто говорит. Обалдели красноармейцы. Долго говорил Бобби. Убеждая бросить армию. Сулил хорошие места. Предлагал остаться у них. Все равно, советская власть долго не выдержит. Он хорошо это знает.

Не выдержал Шахов, крикнул:—Брось трепаться!

— Сука, ты, вот что,—бросил Седых.

— В чем дело?—спросил шкипер. — Митинг?..

Длинный ему перевел. Дурачье...—буркнул шкипер.

— Ты ему скажи,—настаивал Седых:

— Любой красноармеец, сознательный, я не говорю про шкурников, таких как ты, ни за что не согласится быть батраком у буржуазии.

Длинный перевел.

— Бобби гони к чорту эту большевистскую заразу. Видеть не могу эту красную сволочь.

— Ну, т. Шахов, и вляпались мы с тобой в переплет. Да, главное никак не уйти, кругом вода,—ответил Седых.

— Чорт его знает, когда пристанут к берегу. Ишь, как болтает. Тошнит, мутит, душу выворачивает, ни есть, ни спать, не могу понять,—я блюю прошлогодним борщем, а они лопают на полный ход.—Жаловался Шахов.—Слышишь, как воют.

Ветер чуть спал. Не желая терять ход, шкипер приказал прибавить парусов. Выбирали фалы.

VI.

НОМ небольшой порт на Аляске. Красноармейцев свезли на берег. Много народу пришло смотреть на большевиков. Потом допросили. Выпытывали: устойчива ли советская власть. Доказывали, что в России жить трудно. Что из нее все хорошее бежит. Старались вызвать возмущение. Предлагали остаться в Америке. Судья Вильямс доказывал:

— Сейчас 1923 г.—Через год, вы будете богатыми людьми... Сулил золотые горы.

С достоинством держали себя ребята. Решительный отпор дали американским властям. Настойчиво требуют отправить обратно в Анадырь. — Упрямые красные ослы, — ворчит судья. Обратился через длинного Бобби: скажите этим молодцам, что ничего хорошего их в России не ожидает. Они заснули или были пьяны — это все равно. Позволили шкуне «Эскум» уйти, тревогу не подняли. Разговор с ними будет короток—ГПУ не дремлет. Расстреляют, как собак. Выслушали, пока говорил длинный. Шахов сказал:

— Я и мой товарищ, Седых, заявляем: Мы признаем только нашу советскую власть. Она одна может делать с нами, что ей угодно; ты, гражданин, ему передай. Пусть он за нас не беспокоится.

— Советская власть никого зря не расстреливает. Там разберутся. Поумней его с тобой сидят. Пусть запишет это все в протокол,—настаивал Седых.

— Вы свободны,—сказал судья. — Ему надоело биться с упрямыми большевиками. Когда вышли на улицу, Седых улыбнулся и сказал:

— Ишь запугивают, черти...

VII.

ВЛАСТИ решили подойти с другого конца. Допросами их больше не мучили. Посадили в автомобиль, свезли в лучшую гостиницу. Вымыли. Накормили. Повезли к портному. К сапожнику. Заказали по комплекту платья, белья, обуви. На психологию действуют власти. Хотят сыграть на корыстолюбии. Повезли на золотые прииски. Предлагают работать. Соблазняют золотом. На-днях появилось в газетах об'явление:

«Предлагается двум солдатам Красной армии хорошее место. Роскошная квартира. Вкусный и здоровый стол. Прекрасное жалование. Для переговоров являться к «Джошуа Смит К-о», и много других в таком духе.

— Это ихний ЮЗ, все орудует,—смеялся Седых.

— К чорту ЮЗА.—Даешь СССР,—вторит Шахов.

VIII.

РОВНО месяц, как живут Седых и Шахов в Номе. Ходят всюду. Присматриваются. Выучили десяток-другой слов. Видят, что не сладко живется рабочим в хваленой свободной Америке.

Выжиматели порта не дремлют. Как что: штраф, сокращение. Или марают книжку. Познакомились в клубе с Билем. Биль—рабочий-слесарь. Служит на водопроводной станции. Как могли, разговорились. Больше при помощи рук. Много небылиц наслышался Билль от русских эмигрантов, что бежали из России. В особенности про Ленина. Как умел раз'яснил Седых Биллю.

— Все это брехня. Ты им не верь. Зря треплются, со злости.

Кучка рабочих собралась вокруг. Внимательно прислушиваются. Стараются понять.

— У нас, что русский, что американец—оль-де-сэм.

— Все равно рабочий-пролетариат...

— Буржуа не добра — пролэтэрс—иэс, добра. Вставил какой-то молодой краснощекий парень.

— Ленин — каррашо...—добавил другой.

— Интернационал Вери-гуд,—сказал Седых.

O yes, quite well, вставил третий широкоплечий рыжий парень.

Bolshevics — добра... Старался об'яснить Седых. Ку-Клус-Клан — но добра. Понимай? Но добра.

Еще бы не понимай—понимаю. Мы про этих чертей слышали.

— Дрянной народ.—Одно слово. — Хвашисты.

— О, иэс,—соглашается Билль.

Пара зорких глаз внимательно следит за Седых. Ловкий парень. Вылощен, как воротник, выглаженный китайцем. Кивком подозвал двух других.

— Смотреть в оба. Это настоящая советская птица. Тонкая бестия. Пусть черти заберут мою душу, если ошибаюсь.—Всюду лазит за армейцами накрахмаленный молодой человек, в желтых гетрах.

Вот и сейчас. Власти направили их сегодня обедать в новую столовую. В дверях саженные ярко размалеванные плакаты. На них надпись: «Наше жаркое никогда не лаяло». Было холодно. Ветер играл словно на шарманке в проводах. Седых приоткрыл двери. Пахнуло аппетитным ароматом яичницы с ветчиной. Вошли. Китаец усиленно рекомендовал пирог с куриной печенкой. Бифштекс. Ростбиф. Свинка с картофелем. Яичница с ветчиной.

— Ну, что ж,—сказал Седых, — завезли, пусть кормят. Давай, товарищ Косоглазый порцию бифштекса.

— Вам прожаренный?—спросил китаец.

— Все равно, лишь бы побольше.

— А мне свинную и выпустите полдюжины яиц на сковородку.

— Вам приказано еще отпустить по литру пива.

— Ну, как?—спросил Шахов.

— Не смеем отказаться,—смеясь, бросил Седых.

Кормят и поят американцы, точно на убой. Сбивают остаться. А все же тоскуют ребята по России. Рвутся домой. Надоели хуже горькой редьки властям. Убедились американцы. Махнули рукой. Преданные ребята. Крепкие. Чорт с ними, — решил судья.—Пусть уезжают в свою вонючую СССР.

X.

В НАЧАЛЕ сентября в Анадырский порт вошла американская шхуна «Блюси». Судно принадлежит «Олаф Свенсон и К°». На палубе двое пассажиров. Это Шахов и Седых.

Хорошее место Анадырь. Богатый и пушниной, и рыбой, и лесом край.

Случай из практики

Роберта Говарда.

ДОКУМЕНТЫ С. С. С. Р.

М. *Пратусевич.*

Иллюстрации В. *Скотт.*

I.

РОБЕРТ Говард жил за городом. Но его острый глаз, подобно прожектору, скользил по главному хребту города, нащупывая события. Впрочем часто он походил на мудрого врача после операции, прощупывающего пульс пациента. Говорю, после операции, ибо это любимое словечко Говарда. Правда, ассоциировалось у него это слово больше с понятием стратегическим, чем медицинским.

Мистер Роберт Говард жил за городом, подобно полководцу, находящемуся несколько в стороне от поля сражения.

В списках миллионеров Роберт Говард не значился, но за то почти все миллиардеры значились в его списке. Из этого не следует делать поспешного заключения, что мистер Роберт нуждался в миллиардах, наоборот, вряд ли в Соединенных Штатах найдется такой миллиардер, который бы тем или иным способом не пользовался услугами Говарда.

Популярность Говарда бегала за ним запыхавшейся собакой,—но между ними оставалось всегда почтительное расстояние, что давало возможность и время Роберту Говар у ликвидировать вытекающие из этого неприятности, и продолжать, как и надлежит великому человеку, спокойно оперировать.

II.

РОБЕРТ жил скромно. Занимал четыре комнаты, из которых одна была мастерской, другая кабинетом, а остальные предназначались для приятного препровождения холостяцкой жизни. Много прислуги Роберт не держал: был у него один лакей—русский и немая кухарка—немка. В мастерскую никто не допускался, даже лакей. В 1916 году, когда у Роберта был первый и последний обыск и когда инспектор тайной полиции в присутствии короля газетного треста мистера Херста хотел проникнуть в эту комнату—Роберт с весьма милой улыбкой, заявил:

— Мистер Мэссон, каждый шаг вперед от этого порога есть вместе с тем обратный шаг в сторону вашей жизни.

После этого инспектор полиции заявил газетному королю, что обыск можно считать законченным, а когда последний стал усиленно протирать пенснэ—Роберт добавил:

— И в сторону вашей жизни также, сэр.

А через два дня газетный король был в гостях у Роберта—и после этого визита острый луч прожектора стал нащупывать дела и делишки семейного, скандального характера врагов Херста, а его 320 газет трубили яростные туши по этому поводу.

III.

РОБЕРТ Говард был поистине одинок. Среди бушующего моря страстей он спокойно, лежа на спине, отплывал от берега туда, где тонули во мраке пароходы людского благополучия.

У него не было семьи, родных и друзей. У него не было даже, так называемых, «своих людей». Он с большой легкостью и уменьем пользовался чужим аппаратом. Для примера приведу случай из его жизни в дни юности.

Приходят рыжий Эдди и одноглазый Джим. Оба похудевшие от голода. У Роберта дела далеко не блестящие, но он не подает виду и смеется.

— Без тебя нам худо,—говорит Эдди.

— Я думаю,—улыбается Роберт.—Нечего унывать. Пришли и ладно. Что нового?

Эдди рассказывает, как они трижды провалили дело за последнюю неделю.

— Ну значит четвертый раз выгорит. Нечего носом пятки чесать. Побольше смелости и уверенности.

Джим излагает свой план. Вооруженная экспроприация. Роберт одобряет.

На следующий день приходят радостные и возбужденные. Тысячу двести долларов—т.-е. половину получает Роберт. За что?—Роберт использовал готовый аппарат, готовую инициативу. Окрестил своим именем дело—и все. С Херстом он поступил таким же образом. Получив большую организационную сумму, он спокойно положил ее в Национальный Банк, вызвал к себе заведующего агентурой Херста. Полчаса обоюдно-приятной беседы. Дело окрещено именем Роберта. Аппарат работает на славу.

Самые блестящие дела Роберта—ограбление пароходов на 3-х морях, таинственное исчезновение маклеров на 4-х биржах, похищение дипломатических документов в 2-х государствах и проч.—были совершены без непосредственного участия Роберта самостоятельными группами иногда целыми организациями. Но над всем этим витало имя Роберта—и успех был обеспечен.

IV.

ЧАРЛИ Смит открывал дверь своего бара, как вдруг кто-то его окликнул. Сперва повернувшись на правой ноге, потом на левой, потом снова и решительно на правой (что означало победу янки над суеверием)—он увидел шоффера Билли.

— Откуда в такую рань, Билли?

— А вот мистера Сиднея привез.

Чарли многозначительно свистнул.

— У Говарда опять государственные дела. Надо будет с ним посоветоваться относительно акций. Два раза он меня уже на путь наставлял. Зайдем, перекусим, пропустим виски. Сидней там еще провозится.

V.

РОБЕРТ Говард нисколько не удивился когда лакей доложил:

— Мистер Сидней хочет вас видеть.

Было 9 часов утра. Роберт принял мистера Сиднея в кабинете. С лукавой улыбкой наблюдал он деформированное удивлением сизое лицо Сиднея, перебегающее с картин на вазы музейной редкости.

Мистер Сидней, втечение 4-х лет отлученный от этих ценных предметов, все еще не успел забыть их. В свое время он истратил немало денег на розыски. Но розыски были безуспешны.

— Приступим к делу,—прервал Роберт горькие размышления Сиднея. — Я вам нужен?

— Да, вы нужны мне. Дело, которое я хочу вам поручить, государственной важности.

— *Мистер Мэссон, каждый шаг вперед от этого порога есть вместе с тем обратный шаг в сторону вашей жизни.*

— В области шпионажа или похищений?

— На этот раз вы не угодали: через неделю в Сенате сенаторы мистера Херста дают бой по-русскому вопросу. Они во всеоружии...

— Ха, ха, ха,—рассмеялся Говард.—У мистера Херста 320 газет, и ни одно министерство с ним не справится...

— Вы меня не поняли. У нас официальная пресса. Прибавим к этому официальные документы, скажем относительно России—и мистер Херст и его присные принуждены будут хотя бы на время уступить нам поле сражения.

— Значит—подделка документов. Срок неделя. Маловато, в особенности, если принять во внимание экспертов Херста. Я с ними уже имел дело.

— И все же необходимо сделать в неделю.

Говард минуту подумал:

— Ладно сделаю.

— Желательно было бы одновременно нанести удар профессиональным организациям и рабочей партии...

— Можно...

— Вам прислать специалиста по-русскому вопросу?

— Лишнее, у меня свои есть.

Сидней подозрительно и удивленно взглянул на Роберта.

— Значит через неделю. Зная вас, мне не приходится сомневаться в качестве документов. О плате разговоров также не будет.

— Я думаю. Это будет стоить 50.000 долларов. Не согласитесь ли позавтракать со мной, Мистер Сидней. До 11 у вас еще добрый часок времени есть. К тому же дело, скрепленное добрым вином, дает хорошие результаты.

Сидней согласился.

VI

ЧАРЛИ Смит и Билли уже тянули по второму стакану, когда в бар вошел Василий слуга Говарда.

— Чарли, две бутылки из запаса Говарда.

— Сию минуту, Боб, иди с мистером Базилем в погреб. Пусть выберет.

Длинноногий Боб поспешил выполнить приказание. В погребе Боб сказал:

— У вас сидит Сидней. Я слыхал это из разговора Смита с шоффером.

— Да, он остался завтракать.

— Василий, как ты думаешь, зачем может Сидней жаловать к Говарду.

— Для мошеннической проделки. Ясно.

— А какая проделка может быть в министерстве иностранных дел.

— Добыть сведения, документы. Ясно.

— А теперь сообрази, какие дела сейчас волнуют министерство иностранных дел.

— Русские, ясно.

— Василий, ты не коммунист, но Россию любишь, а потому нужно проведать о чем столковываются Говард с Сиднеем.

Василий взял вино и поспешил наверх к Говарду.

VII.

„...ПУТИ к скомпрометированию Советских Республик чрезвычайно скользки. До сих пор еще не издана карта Нью-Йорка, где черным по белому были бы отмечены пути, идущие от департамента министерства иностранных дел к одной из частей

нашего города. Не будем же гордиться нашей прозорливостью до тех пор, пока не вскроются эти пути. Нам остается только заранее благодарить тех граждан, которые принесут в жертву времени достаточное количество исследовательских усилий и тем самым покроют ущерб, нанесенный государственному благоразумию.

Так заканчивалась передовица одной из влиятельнейших газет Херста...

— Молодчага Гартли Пан, — невольно вырвалось у Говарда.—Бьет птицу в лет одним свистом, да еще стоя к ней спиной. Прием основательный, в особенности, если нет никаких следов. Однако, на этот раз мы вопреки министерским традициям изменим несколько географические очертания нашего дела.—Василий!

— Я.

— Мне придется сегодня уехать в Чикаго. Для Херста, Гартли и прочих крыс— я уехал в Россию. С мелкими делами сам расправляйся. Если Сидней будет звонить, отвечай, что дело на колесах. Позаботя о завтраке. Через полтора часа уходит поезд...

В это время в комнату врываются четыре «кольта», за которыми спокойный, как всегда, Роберт различает такое же количество парней.

Не спеша Роберт оправляет галстух и поднимает руки. Его примеру следует Василий.

— Ребята, только поскорей,—предупреждает Говард. — Через полтора часа поезд. Я еще не завтракал, и кое-какие дела не закончены. (Вдруг узнает Боба). Боб, твое поведение мне совсем не нравится! Если ты действительно почувствовал прилив способностей—обратился бы ко мне. Я нашел бы тебе более верную работу.

— Мистер Говард. Можете опустить руки. Мы зла вам не желаем. Брать ничего не намерены. Хотим только изолировать вас от одного дела и для того...

— Хотите меня арестовать на время. Так я вас понимаю?

— Да. Вас и для приятного общества вашего слугу.

— Неужели от Херста?

— Можете не беспокоиться с Херстом мы ничего общего не имеем.

— Понимаю, — вскрикнул вдруг Говард.—Рабочие организации...

VIII.

ВАСИЛИЙ,—шепчет Говард,—нам нужно доползти до телефона.

— Ясно.

В это время в комнату врывается...

Оба узника перекатываются по ковру. Телефон на ночном столике. Роберт зубами дергает шнурок. Трубка падает на ковер, между ним и Василием.

— Теперь продвигайся ближе. Так. Вообрази, что у тебя не пара рук, а один протез. У меня тоже, но воля, управляющая нашими протезами, едина —Понимаешь?

— Ясно.

— Теперь приложи трубку к моему уху, которое чуть не стало ослиным. Так.

— Будьте добры 12-34-48... Благодарю... Гуч, ты у телефона? Ты мне нужен, как акушерка роженице... лети на вокзал и поезжай в Чикаго... На улице Вашингтон, в 47 номере, 27-м этаже, 914 квартире найдешь Эдуарда Вильнея... Всеми своими ногами становись

на его душу, и не сходи до тех пор, пока не будут готовы документы, о которых я ему сообщил. Напомни ему, что их будут изучать лучшие эксперты. С документами мчись обратно и сдай их мистеру Сиднею в понедельник, 12 часов утра. Ни минутой позже. 10.000 долларов будут внесены на твое имя... Да. Да... Я страшно занят. Уезжаю. До скорого.

— Теперь Василий, ползем обратно. Хотя я потерял 10.000 долларов, зато дело принимает веселый обо от и четыре осла не окажутся умнее одного человека.

Входит Боб. Галантно поклонившись, заявляет:

— Сэр, завтрак готов.

Василий усиленно мигает глазами. Боб заметил и продолжает:

— Мы не хотим лишать вас ежедневных удобств мистер Говард. (В сторону Василия). Василий, ложитесь на живот. Так. (Освобождает Василия от пут). Теперь идите впереди меня. Будете подавать мистеру Говарду и кормить его. (В сторону Говарда). Простите, что мы не даем вам большей свободы действий, но для этого потребовались бы люди, а они все в работе.

В кабинете Василий рассказывает Бобу о проделке Говарда. Боб разлегся на кресле и смеется.

— Ну, и лисица. Но мы ей хвост подрубим. Нужно опередить Гуча и воспользоваться искусством Вильнея.

IX.

ВАСИЛИЙ сидит в кабинете Говарда и разговаривает с Сиднеем по телефону.

— Это ни на что не похоже. Вы скрываете кампанию.

— Не волнуйтесь, мистер Сидней. Роберт Говард хозяин своего слова, когда говорит и раб слова, когда сказал. Во вторник, ровно в 12 часов приходит поезд из Чикаго, значит в четверть первого вы будете иметь документы на руках.

— Но ведь тогда их даже просмотреть не успеем.

— Это совершенно лишнее. Документы. Говарда в просмотре не нуждаются. Вы сами прекрасно знаете.

Сидней колеблется. Сидней ругается.

— Сидней кашляет в телефон. Василий уверяет с достоинством: Говард пунктуален, Говард ни одного дела не провалил. Вторник, так вторник, хотя бы все железнодорожники забастовали.

Сидней успокаивается. Сидней выспрашивает подробности. Сидней ухмыляется.

— Значит в четверть первого документы передаются второму секретарю министра в Сенате. Он ждет в машине № 23476, которая стоит против второго корпуса на углу. От него же получаете деньги.

— Ясно.

X.

ЭДУАРД Вильней знал, что Роберт дуплеты предпочитает прямым ударам. Ему не раз приходилось быть той точкой борта, откуда прямой линией скатывался шар в лузу. Но он знал также, что вместе с шаром скатывался в ту же лузу туго набитый бумажник, в одном из отделений которого пряталось от любопытных взоров любителей и профессионалов его вильнеевское благополучие.

Поэтому, когда он вскрыл телеграмму и прочел: «Приезжай немедленно с инструментами. Спешное дело. Говард», — он через полчаса с чемоданчиком был уже в экспрессе, бешено проглатывающем расстояние от Чикаго к Нью-Йорку.

Ему открыл двери Василий.

— Старичок дома?

— Ясно. Ждет вас в кабинете.

Василий провел Вильнея в кабинет, где его встретил прием четырех «кольтов».

— Не беспокойтесь,—сказал Боб.—Ничего дурного мы не замышляем. На этот раз вы заработаете 15.000 долларов за маленький, но существенный пустячек.

Василий был чрезвычайно удивлен, когда на его глазах были завязаны Василию ноги и руки, а длиноногий Боб вынес его из кабинета.

Через 10 минут Вильней был в курсе дела и приступил к работе.

Он хохотал, как истеричка.

— Да уберите вы ваш «кольт»,—сказал он вдруг Бобу.—Сам Говард был бы в восторге от этого дела. Вы думаете в нашей работе остроумие играет последнюю роль. Это роковая ошибка—и никакие доллары не в силах ее искупить.

— Продолжайте работать,—сухо ответил Боб.

— Мне бы еще фунта 3 гипса.

Боб послал одного из парней за гипсом.

XI.

ХЕРСТ был мрачен. Творилось что-то неладное. Все его 320 газет били тревогу.

Херст был очень мрачен. Ему нужна во что бы то ни стало арена, где бы он мог жонглировать своими капиталами. «Союз кредитов России» парализовал его мускулы, сделав своими должниками членов правительства. Гартли Пан не жалел денег. Его агенты перерыли все Соеди-

ненные Штаты, но никаких путей к департаменту иностранных дел не намечалось. Официозная печать открыто заявляла о каких-то документах, которые министр, быть-может завтра опубликует в Сенате.

Как на зло, Роберта не было. Роберт выехал в Россию, не предупредив куда, за чем, каким образом

Роберт подозрителен. Роберт определенно подозрителен. Его поездка в Россию стоит поездки трех, пяти, десяти миссий.

XII.

ВО вторник, в 10 часов утра, начался бой. Генеральный бой. Обе стороны устремили лучшие силы Подготовка была потрясающая. Блестящие экономисты с той и другой стороны обливались потом и чернилами.

В Сенат проникнуть можно было только чудом. (Для Боба с Василием свершению такого чуда помог второй секретарь министра).

Открыли бой сенаторы министра Херста. Это был сплошной потоп цифр. Здесь были цифры довоенные и послевоенные, дореволюционные и после революции, до 21 года и после 21 года.

Здесь были цифры и в сторону Англии и в сторону Франции и в сторону Италии.

Секретари шныряли в бумагах, под бумагами, над бумагами, подсовывая целые горы новых цифр...

Громы рукоплесканий, шум голосов и свист ласкали слух сенаторов не хуже Джаз-Банда.

Наконец сенаторы Херста утомились, опорожнились, утихли.

Был об'явлен перерыв, после которого министр иностранных дел должен был дать свои об'яснения.

XIII.

...ЭТО все слова Только слова. Мы не можем разговаривать с господами в одной руке у которых лавровая ветвь мира, а в другой спички для поджогов. (В это время секретарь подсовывает министру сургучем запечатанный конверт).—Я не буду, как это делают уважаемые противники, расточать вам красивые слова и сомнительные цифры. Я сразу приступлю к делу. Я дам вам возможность убедиться в том что политика, проводимая правительством исторически неизбежна и верна. Я позволю себе прочесть эти документы, которые сами за себя говорят.

Министр распечатывает конверт и читает документы.

В зале напряженная тишина. На лицах сенаторов постепенно любопытство сменяется удивлением, удивление—оглушенностью, оглушенность — бесчувствием и кретинизмом.

И друзья и противники были подготовлены к сюрпризу, но такого рога изобилия никто не ожидал. Здесь были документы, устанавливающие получение обществом содействия профсоюзной организации от Коминтерна одного миллиона долларов, документы обличающие получение рабочими Союзами Соединенных Штатов для устройства революции 2-х милл. долларов. Получение представителей рабочей партии 500.000 долларов на оборудование фальшивомонетной фабрики.

Здесь были подписи: Троцкого, Зиновьева, графа Толстого... Вдруг министр прерывает чтение на полслове... Ему как-будто дурно... Он тупо смотрит на бумаги... На лице самое идиотское выражение. Беспомощно оборачивается к секретарю...

— В чем дело?—доносятся недоуменные голоса.

— Читайте дальше.

— Граф Толстой воскрес,—кричат сверху.

Поднимается страшный шум... Секретарь министр подбегает к председателю и что-то взволнованно говорит ему.

Председатель бешено звонит.

— Министр плохо себя чувствует, поэтому принужден свои об'яснения перенести на следующее заседание.

— Подделка —кричат с хоров. — Скандал.

Уже через 2 часа газетчики вопят: «Водевиль в Сенате», «О том, как шуллера провели министров».

XIV.

ДО сих пор в Соединднных Штатах никто не сомневался, что главным участником скандала был Говард, который обслуживал Херста.

Мистер Херст был также в этом уверен и уплатил не малую сумму Говарду. Сам Роберт однажды сказал:

— Знаешь, Василий, это пожалуй лучшая моя операция, произведенная при помощи автоматического аппарата. Но смотри, чтобы в другой раз больше таких фокусов не было. Впрочем за русские дела я больше не возьмусь.

ВОСТОЧНАЯ

С. Колбасьев.

Я ЗНАЮ: рассказ подобен задачи на взаимодействие нескольких сил, приложенных к одной точке. Он идет по равнодействующей, а силы составляющие известны только автору.

Но пусть они будут известны читателю.

Главными составляющими этого рассказа являются: спрос на чайники русского изделия в Афганистане, романтичность, свойственная двадцатилетнему возрасту и, наконец, нота лорда Керзона.

Конечно читатель уже определил направление равнодействующей на восток от Москвы.

Когда-то это направление очень мне нравилось. Понравилось оно и герою моего рассказа дипкурьеру Баранову,—по тем же причинам, что и мне: он был петербужцем, не любил Москву и любил Каплинга.

К тому же Баранову повезло. В одну неделю прошло его назначение, сразу предложили поездку в Афганистан, и ехать надо сегодня.

Потому-то он и сидит в трамвае семнадцатого маршрута, направляясь к Наркоминделу, а чтобы не выглядеть именинником, читает «Известия».

В этот день «Известия» писали о ноте Керзона,—заголовки жирным шрифтом и плотными словами. Такие заголовки влияют и на менее впечатлительных людей, чем мой герой.

— Значит будет серьезная почта,—думает Баранов,—а Керзонам свойственно любопытство. Они ни перед чем не остановятся... Надо будет следить, осторожность!..—и вдруг заметил, что говорит вслух.

Посмотрел через газету: напротив, колени к его коленям, сидит молодой человек в сером английском пальто и серой фетровой шляпе. В руках желтый чемоданчик, а лицо сухое, чисто выбритое,—чисто английское.

Баранов сразу встал и пошел к выходу, хотя еще рано было выходить,—еще две остановки. Скомкал в кармане газету и стоял не оглядываясь у выходных дверей.

— Вот ведь противно... Что я сегодня с'ел за завтраком?—У Кузнецкого моста выскочил, стараясь не торопиться, прошел вдоль фасада большого серого дома, вошел в под'езд, и, уже за стеклянной дверью, обернулся:

По панели проходил тот самый молодой серый англичанин, и проходя, взглянул в под'езд. От неожиданности Баранов сразу вскочил на первые три ступеньки.

. . . . . .

— Получил револьвер системы Наган за № 98081 с четырнадцатью патронами.—Баранов расписался, но вспомнил лорда Керзона, и сказал:—Мало патронов, пожалуй.

Человек за столом улыбнулся.—Дорогой товарищ, я уже четыре года сижу здесь и раздаю пистолеты. Патроны выдаются не на предмет куропаток, каковых много на Кандагарской дороге, а на тот крайний случай, которого никогда не бывает.—Старательно расплющил в пепельнице папиросу и дальше:

— Пистолеты это, если хотите, украшение, присвоенное должности. Они тяжелые и по возможности, их не носят, однако, всегда надевают в решительные минуты: например когда требуют у станционного начальства купэ в переполненном поезде.—Говорит и улыбается.

Хуже всего, что здесь же рядом стоит Костиков, назначенный ехать с ним сопровождающим, Костиков тоже улыбается.

В коридоре Баранов к нему обратился:—Товарищ Костиков!—Хотел сказать про англичанина в сером пальто, но сказал.—Поезд в половине шестого, почту, значит, принимаем в четыре. Пока до свидания.

На что тот ответил:—Ладно, здесь же и встретимся.

. . . . . .

Билеты в кармане, чемодан уложен, на часах—два.

Попросил хозяйку поставить самовар, разложил на подоконнике хлеб и колбасу и сел к окну подумать.

Видит: напротив по троруару идет де-

ПОЛИТИКА.

вушка. Должно-быть славненькая, жаль—личика под вуалью не видно. Идет, слегка сгорбившись, мелкими шагами, а в руках держит письмо. Остановилась, осмотрела пустой переулок и быстро скользнула в подворотню.

— На свидание,—вздохнул Баранов, но так и остался, не выдохнув воздуха:

Из той же подворотни вышел серый англичанин.

Помахивает желтым чемоданчиком, застегивает английское пальто и улыбаясь покачивает головой.

— Конспиративная передача письма. Надо посмотреть.—Баранов застегнул пояс с револьвером, а сверху—пальто.

— Степанидушка, чаю не буду. Прощайте.—и уже с лестницы крикнул:—Пошлите чемодан с Митей. Наркоминдел, шестой под'езд.

На углу Никитской мелькнуло знакомое пальто.

Бегом до угла, а дальше осторожно, беспечным шагом,—серое пальто на десять шагов впереди. Так дошли до Метрополя. Там гуще, можно держаться поближе.

Даже нужно, а не то потеряешь. Куда он идет? интересно знать.

К англичанину подходит посыльный. Баранов протиснулся сквозь очередь, слышит:

— ...Никак нет. Дальше Ташкента международного не будет.

Англичанин расплатился из толстого бумажника, потом спрятал его во внутренний карман пальто, (Так,—мелькнуло у Баранова,—туда же, где письмо), застегиваясь повернулся, чтобы выбраться из толпы, и вдруг оказался перед Барановым. Серое лицо вздрогнуло, глаза засветились подозрительным светом. Баранов с равнодушным лицом, но сжатыми в кармане кулаками прошел мимо него. Они разошлись.

Следил за мной в трамвае—раз. Письмо в подворотне—два. Едет через Ташкент. Ловко!—Шел, тихо посвистывал, вышел на Лубянку.

— Нельзя было так близко подходить.

— В Ташкенте следует купить седла. На афганских верховых—упаришься. А не то еще вьючные дадут. Сидишь, это, на них, как на корешке книжки и вдобавок без стремян.

В купэ темно. Газовый фонарь прикрыт черной перепонкой. Качается вагон и быстро подстукивают колеса.

Баранов лежит на верхней койке, над головой в сетке чемодан с почтой, под головой, под подушкой пистолет,—все в исправности.

Костиков снизу продолжает.—А в Герате надо купить лошадей. Кони будут, по крайней мере,—а не подаль наемная, да оно и дешевле выйдет чем нанимать. Только надо смотреть, чтобы корм в дороге не воровали, ну да я их разбойников знаю, не беспокойтесь.

Славный этот Костиков, однако сказать ему нельзя. Он уже два раза ездил в Кабул и любит показывать свою опытность, и потом у него очень неприятная манера смеяться: опускает губы так, что за губами опускается нос. Люди с под виным носом всегда склонны к насмешливости.

На этом Баранов уснул.

Утром с мылом и полотенцем шел по коридору, а навстречу знакомое, чисто выбритое лицо. Без серого пальто (без пиджака даже), без желтого чемоданчика,—но ошибиться невозможно.

Баранов даже не удивился. Англичанин тоже ничего не показал своим бритым лицом. Проходя Баранов не удержался,—зацепил его локтем, сказал: —Виноват,—и, покачиваясь от быстрого хода поезда, прошел в уборную.

— Ладно. Ты меня знаешь, но и я тебя Керзона, тоже. Поиграем. Держись за воздух.—Весело думал и весело растирал лоб и щеки холодной мыльной водой.

. . . . . .

На Аральском море покупали рыбу.

За окном бежит длинная степь, по степи длинным шагом идут верблюды, на верблюдах рваные тюки и желтые люди в выгоревших лохмотьях.

— Отлично: и рыба, и верблюды, и солончаки,—все.

— Разрешите попросить огня.—Рядом с Барановым стоит англичанин.

— Сию минуту.—Зажег спичку, протянул, а сам думает:—Керзон тоже отличный попался, только жаль—глупый. Ведь,

пять минут назад не скрывая вертел в руках серебряную спичечницу. Подбрасывал большим пальцем и на лету ловил. Эх, Керзон!

— Благодарствуйе,—кланяется Керзон.

— Не стоит.—И про себя:—Нет, право молодец, ведь, какое слово пустил. Только ты лорд забыл, что слишком правильная речь обличает иностранца.

— Далеко едете?—учтиво спрашивает лорд.

— Отсюда не видно,—не менее учтиво улыбается Баранов.

Англичанин говорит о погоде, а потом опять:

— В командировку едете, или как?

— Нет, по семейному делу. Тетушка у меня, слабая здоровьем. Так вот к ней—с той же учтивой улыбкой говорит Баранов (кушай, если тебе нравится).

Англичанин соболезнующе покачал головой и ушел.

Больше Баранову с ним разговаривать не удалось. От жары, рыбы и качки Баранов пролежал до самого Ташкента.

За Ташкентом сели в жесткий вагон. В мягком слишком жарко и слишком много клопов, говорят.

Эта желтая страна, эти глиняные стены, арабские надписи на песчаного цвета вагонах летучая пыль, кислосладкие гранаты, свирепые клопы, которые, чтобы спутать информацию появляются и в жестких вагонах, эти пестрые халаты, выжженные виноградники и арыки—это Восток.

— Мы русские отсюда, мы его понимаем. Англичане его никогда не удержат, они не умеют его любить,—и от таких мыслей Баранов чувствовал себя увереннее.

— Жаль только, что Керзона своего потерял, я бы ему расписал восточную политику.

Керзона Баранов потерял в Ташкенте. Тот пересел с поезда на поезд и уехал в Мерв. (Баранов слышал как он носильщику билет заказывал). В Ташкенте Керзон был одет в легкий верховой костюм и желтые гетры. Через плечо у него висел черный термос на желтом ремне.

— Фу, какое несоответствие, а еще инглишмэн, это ведь, не лучше зеленых носок при красном галстуке.

Но от этого англичанин сделался ему еще дороже и он с большим сожаленьем задержался в Ташкенте на три дня. Что поделаешь,—начальство.

— А впрочем ничего. Может в Мерве встретимся, а может и дальше, недаром он всадником облачился.

И хотелось встретиться и попробовать силы.

Теперь в рассказе есть двадцатилетний романтик и есть Керзон, а сам рассказ идет все глубже на восток. Все в наличности, не хватает лишь русских чайников в афганской обстановке. Но пока рассказ касается только внешней политики и ее сотрудников, чайники в нем появиться не могут, как к политике не относящиеся.

Первый такой чайник появился на ковре афганского пограничного полковника в Чилдухторане. Он был красный с синими цветами.

Впрочем он не принадлежал к чайникам, играющим такую большую роль в этом восточном рассказе. Но-одиночке они, вероятно, были на него похожи, но от большого своего количества они спрессовались в небольшую бумажку, отпечатанную на «Ундервуде», и, потеряв свою вещественность, ездят в портфелях сотрудников Наркомвнешторга.

Итак у полковника на ковре стоит чайник.

Баранов маленькими глотками пьет слишком сладкий и слишком горячий, зеленый чай. Трудно пить: горячая чашка—без ручки и с ложечки нельзя—она с дырочками.

Афганцы тоже молчат, потому что все приятное и вежливое уже сказано.

Полковник, толстый и медный, в линялом синем мундире и толких белых штанах сидит на корточках, полузакрыв глаза.

— Скоро ли выпустят?

— Полковник очень сожалеет —говорит рябой переводчик,—у него нет верховых лошадей. Полковник хочет думать, что до Герата вы хорошо доедете и на вьючных —здесь близко.

— Эх, седел в Ташкенте не купили,—вздыхает Костиков. Баранов пожимает плечами, а переводчик продолжает:

— Русский мушир вчера поехал в Герат. Тоже поехал на вьючной. Он хороший наездник и большой мушир. Он дал полковнику бутылку.

Из рук в руки кругом по ковру передается термос. Термос черный на желтом ремне.

Баранов улыбается (уж я осторожнее тебя, Керзона, буду) и говорит:

— Спроси у полковника-саиба откуда этот русский мушир приехал.

— Полковник говорит, что русский мушир приехал из Тахтабазара и что это хорошая бутылка. В ней чай остается горячим пока его не выпьешь. Полковник еще

говорит, что он больной. Даже чай из этой бутылки не согревает его, когда ему холодно,—и спрашивает: нет ли у вас хины.

— Хины? Костиков она у вас хранится, достаньте пожалуйста.

. . . . . .

Часов шесть караван уже идет без остановки.

На вьючном седле навязана подушка, а сверху одеяло. Высоко выходит, и без стремян очень неустойчиво. Вместо уздечки недоуздок, вместо повода тяжелая цепь с железным приколышем на конце. А конь подозрительный: беспричинно ржет и фыркает. От времени до времени пробует укусить ближайшую вьючную. Чорт его этой цепью удержит, если он развеселится.

— О ногах лучше не думать, тогда не слышно, как они болят. Буду думать о Керзоне. Итак в Кушке он не был. Значит избегал Кушкинскую погранохрану. Как же он там проскочил, там, ведь, тоже пост есть. А главное что он сейчас делает? (Будет ли нападение).—Но голова наливается оловом, как и ноги. Баранов ерзает, стоб хоть немного переменить положение,—не легче.

А дорога идет вправо, все выше и выше и все темнее,—уже вечер.

Впереди поет каракеш. Уже давно поет и, вероятно, не скоро кончит. Качается в темноте длинная песня, и темнота качается. А ног не слышно, только в коленях, медленно пульсируя, ворочаются клинья.—Скоро ли конец, силы нет никакой дольше терпеть.

— Вот, кажется, доехали,—это Хаджи Мелал.—Но темная масса оказалась каменной грядой. Повернули налево, потом опять направо.

Гудит в голове кровь, а в глазах темнота, только по самой земле прыгает змейками огонь. Выскочит впереди, покрутится под ногами и пропадет сзади.

— Неужели галлюцинация? Костиков, что за искры такие?

— Моя махорка,—слышно откуда-то страшно издалека.

— Теперь близко, вон впереди костер,—смутно думает и видит, что это не костер, это звезда восходит.

— Хорошо, звезда, — соглашается, — но скоро ли конец?

Теперь совсем темно.

— Который час?—Вечность.—Нет, это не я сказал,—вспоминает Баранов,—это Батюшков.

Совсем темно, и каракеш замолчал. Только камни щелкая прыгают под гору и где-то ревет река.

— Как примус,—определил, и видит: к нему под'ехал сипай, и что-то говорит. Что-то непонятное.

— Уходи,—отвечает Баранов (непонятного слушать не могу, надо русские слова услышать) и крикнул:—Костиков, сколько верст осталось?—Но Костиков не отвечает, не слышит, может быть.

Сипай опять говорит, теперь настойчивей.

— Завезли, черти,—мелькает в голове, а во рту делается сухо:—Ведь, больше пятидесяти верст едем, а до Хаджи Мелала тридцать семь. И что ему от меня нужно? Здесь нечисто. Не Керзон ли?—надо подумать, а для этого вытянуть ноги.

Но подушка с'ехала на бок, или, может быть конь оступился. Баранов чувствует:, сипай держит его под руку и они стоят на земле. Левая рука тянется расстегнуть кобур, но она слишком долго держала тяжелую цепь,—не разгибается. Да и ног нет,—все равно без сипая нельзя стоять. Пока не двигаться. не сопротивляться подобрать силы,—там посмотрим,

— Что посмотрим?—думает из последних сил, и чувствует, как сипай берет его за ногу и тянет ее вверх. (Зачем это?). Потом две руки с силой поднимают за пояс и куда-то толкают.

— Молодец!—Кричит Баранов,— он посадил меня на своего коня, а я его чуть не пристрелил.

— Кого,—отозвался Костиков.

— Никого,—врет Баранов,—я, знаете, еще с вечера на сипайском коне, тут удобнее, я и задремал.

— Смотрите осторожнее, сейчас река, вброд пойдем.

Действительно, конь тяжело хлюпает копытами и судорожно опускается, ногам холодно, значит сапоги в воде, но ее не видно, только слышно как она ревет и громко катит камни по дну.

Теперь наверх. Подковы звякают, река кончилась. Приятно ехать наверх и седло приятное.

— Хаджи Мелал!—Говорит рядом сипай. Он наклонился и показывает рукой вперед.

Впереди между звездами две черные башни.

. . . . . .

Часовой взял на караул.

БОРЬБА МИРОВ

в ближайших номерах напечатает ряд очерков из жизни Англии.

Очерки написаны специально для Борьбы Миров Почетным Председателем профсоюзов Англии и членом ЦК Английской компартии товарищем

ТОМОМ МАН.

Вьючные уже прошли в ворота. За вьючными всадники.

Справа двухэтажный дом: глина и синее резное дерево. А на доме, свой, красный флаг.—Это Гератское консульство.

— Хорошо,—вздохнул Баранов,—хорошо живут, у них отличный сад и часовые налаженные.

По саду рысцой бежит слуга.

— Мамад, — кричит Костиков и машет рукой на Баранова.—Тот понял, подбежал и взял коня под уздцы. Баранов соскочил. Тяжело хрустнул гравий. (Наконец-то).

— Дравствуйе,—вежливо говорит Мамад и широко улыбается.

— Славное у него лицо, и одет чисто—думает Баранов, идя за ним по винтовой лестнице. Потом по галлерее. Мамад посторонился перед дверью:

— Консул саиб тут.

За длинным обеденным столом сидело два человека за шахматами. Один из них отозвался:—В чем дело?—Поднял глаза и встал. Другой тоже встал и повернулся лицом к Баранову.

Это был Керзон.

— Добрый день, товарищ курьер,—улыбается Керзон,—как здоровье вашей тетушки?

— Благодарю,—отвечает Баранов, потом хватается за протянутую руку консула:—Я ничего не понимаю, кто он такой?

— Это кто такой?—Это товарищ Васильченко, а что вас удивляет?

— Нет, ничего, погодите, бормочет Баранов.

— Товарищ Васильченко вчера приехал сюда торговать чайниками. Он от Внешторга. А почему вы задержались? Я по телеграмме ждал вас вместе. — Говорит консул.

— Ташкент—не думая отвечает Баранов, и обращаясь к Керзону:—Значит вы не англичанин?

— Как видите,—смеется Керзон,—ну, знаете, вы тоже здорово были похожи на английского шпиона, ведь, как беззастенчиво за мной следили. К счастью я знал что вы дип и не беспокоился.

— Откуда знали?

— Да очень просто в Москве я видел как вы входили в Наркоминдел, потом как вас с почтой сажали в вагон. А, скажите, откуда вам такое в голову пришло?

— Так. Одно к одному,—уже улыбаясь говорит Баранов,—главное когда вы из подворотни выходили.

— Из подворотни?—удивляются Васильченко—Керзон.

— Ну да, на средне-Кисловском. Туда вошла барышня с письмом в руке, а вы вышли. Я из окна видел. Конспиративная встреча под воротами и передача письма понимаете?—раз'ясняет Баранов,—но что же вы в таком случае там делали?

— Тише, дамы идут,—сдерживая смех, говорит Васильченко.

— Моя жена—представляет консул.

— Идем в сад чай пить, граждане,—предлагает консульша.

— Идем,—поддерживает консул, и потом, хлопнув по плечу Баранова:—Это здорово. Расскажете последовательно. Это авантюрный рассказ.

В четвертом номере

читайте

1406 клм. НА ЛЫЖАХ

первые полные данные о мировом пробеге Архангельск — Москва.

Впечатление участника пробега товарища Александра Хитрова.

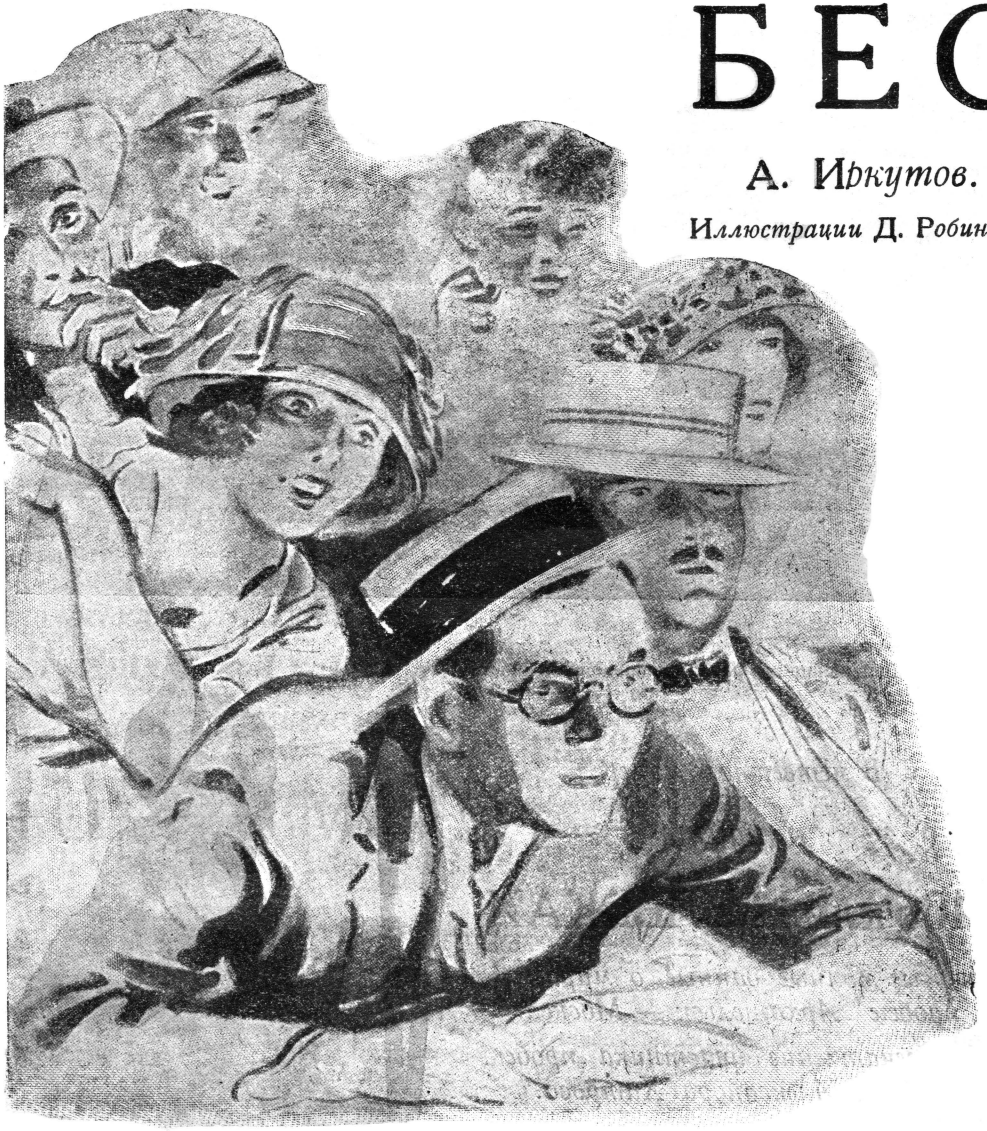
2000 клм. НА ВЕЛО

пробег Севастополь — Москва по проселочной дороге. Снимки с пути.

БЕС

А. Иркутов.

Иллюстрации Д. Робинсон.



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

ВЧЕРА еще это имя было известно самому ограниченному кругу людей — ученых чудаков, живущих в странном, хрупком, дребезжащем от легкого толчка мира колб и реторт. Вчера еще сочетание букв этого имени не вызывало ни восторга, ни удивления, ничего кроме обычного вопроса:

— Кто это такой?

Вчера еще сам обладатель этого имени—смешной маленький человечек с большой головой, покрытой копной рыжих волос нелепым картошкообразным носом, с красными подслеповатыми глазами совершенно спокойно никем не замечаемый, мог

СМЕРТИЕ.

пройти по любому бульвару, по любой самой многолюдной улице Парижа.

Вчера еще.

Сегодня все изменилось.

Запели стальные нервы телеграфа, замелькалив высоте невидимые радио волны, заорали, как бешеные, газетчики. Сворой голодных псов кинулись репортеры, фотографы и кинооператоры к зданию академии, толпы людей хлынули в парадный зал, запрудили лестницы и вестибюли, заполнили улицы и площади, как вороньe облепили крыши и балконы домов. Все хотели видеть его хоть одним глазом, хоть на короткий момент, и из уст в уста передавалось его имя:

Луи Мортель профессор.

Полиции пришлось расчищать ему дорогу в парадный зал и беречь его от сумасшедшего натиска зрителей.

Он шел, маленький и нелепый, среди двух рядов блюстителей порядка, шел, не замечая ничего, не видя ничего вокруг. Казалось он погружен в какие-то вычисления—губы его шептали что-то, а пальцы рук теребили пуговицы пальто нервными движениями лунатика.

Репортеры пускали в ход кулаки и зубы, чтобы иметь счастье преградить ему дорогу, но полиция, послушная приказу, отбрасывала их в сторону, ничуть не церемонясь с представителями шестой державы.

Только у самых дверей академии какой-то американец с поцарапанным лицом в порванной визитке сумел нырнуть под ноги одного из полицейских.

— Одну минуту, профессор,—сказал, он, вынимая блокнот.

— Вы ко мне?—поднял глаза Мортель,—садитесь пож... и сообразив, что он не у себя в кабинете, сконфуженно улыбнулся.—Простите. Я очень рассеян.

— Только одно слово, профессор. Это правда?

— Вы, собственно говоря, о чем,—удивился нелепый человек.

— Об этом... репортер замялся, не решаясь сказать слово, которое орали разносчики газет... о том.... ну о вашем открытии. Только одно слово... Да отстаньте, чорт вас возьми,—оттолкнул он полицейского. О вашем открытии. Одно слово. Это правда?

— А, ну конечно. Опыт сделан, проверен и удался.

— Еще один вопрос. Да отвяжитесь вы, наконец... ах дьявол!

Чья-то сильная рука отбросила янки в гущу теснившихся вокруг людей.

Профессор Луи Мортель вошел в под'езд академии.

II.

ДОКЛАД профессора длился шесть часов и, однако, никто не выражал своего нетерпения, не поглядывал на часы, не зевал и не подмигивал насмешливо своему соседу. Шесть часов сотни людей напряженно слушали, боясь пропустить слово, потерять что-нибудь в той сложной системе формул, выводов и заключений, которую разворачивал перед аудиторией профессор.

На улицах и площадях, где огромные рупора повторяли каждое слово доклад чика также напряженно и тихо слушали доклад миллионы людей.

Открытие, о котором говорил профессор, было сделано им более тридцати лет тому назад. По вполне понятной причине он только вскользь коснулся той гигантской подготовительной работы, которая привела его к открытию особого состава, состава, обещавшего переделать весь мир, нарушить обычный ход земной жизни и принести человечеству неисчислимые блага. Этот состав втечение тридцати лет проверен на животных, начиная от самых низших и кончая высшими сложно организованными и вот теперь он, профессор Луи Мортель, предлагает свое изобретение всему культурному и цивилизованному человечеству. Культурному и цивилизованному, подчеркивает докладчик. Сода не включаются дикари и, разумеется, большевики-коммунисты. Он, Луи Мортел, передает право использования своего открытия особому совету, состоящему из представителей всех европейских стран и Америки и с разрешения этого совета производит сегодня публичное вспрыскивание состава ротмистру 39 уланского полка молодому красавцу виконту д'Ормон, племяннику президента.

Виконт поднимается из первых рядов и проходит на экстраду. Видно, что он с трудом сдерживает себя. Его губы заку-

шены почти до крови в лице ни кровинки.

— Вам надо снять мундир, виконт,— говорит профессор.—И рубашку — прибавляет он, не глядя на белоснежное кружевное дессу виконта.

Виконт слегка краснеет и стягивает рубашку. У него крепкое загорелое тело, мускулистое и выхоленное. По залу пробегает приятное волнение. Женщины подносят к глазам бинокли и лорнеты.

Профессор уже вынул из маленького саквояжа спиртовку, вату, обычный шприц и флакон, такой, какие бывают во всех аптеках—с притертой пробкой, наполненный бесцветной жидкостью. Вытер эфиром грудь фиконта, чуть-чуть пониже левого соска и забрав пальцами кусок виконтовой кожи, быстрым движением опытного врача, всадил острие шприца и перелил драгоценную влагу в кровь виконта д'Ормон.

Молодой человек стоял словно раздумывая и смотрел то на профессора, вытиравшего спиртом иглу шприца, то на свою богатырскую грудь.

Профессор поймал его растерянный взгляд и оторвавшись от своего занятия сказал:

— Все. Можете одеваться.

Потом, словно вспомнив о людях, затаенно следивших из зала за его движениями прибавил:

— Вы теперь бессмертны, виконт.

Мертвая тишина разорвалась бурей криков и аплодисментов. Мортель сделал знак рукой и, когда зал успокоился, продолжал:

— Вы бессмертны, виконт. Это значит, что вы гарантированы от всякого снашивания ваших органов от всякого их изменения от старости или болезни. Никакой яд отныне не опасен вам, никакая простуда не сломит ваше здоровье. Вы можете спокойно жить и не сдерживая себя пользоваться жизнью. Но помните, виконт, что всякое насильственное, извне причиненное разрушение может прервать вашу жизнь. Вы можете погибнуть под колесами трамвая или автомобиля, от удушения и удара палкой, от пули и ножа. Если медицина не сумеет оказать вам своевременную помощь, все это может убить вас. Берегите себя, виконт.

III.

СОВЕТ или Комитет Бессмертия, как его называли, заседал в одном из зал парламента. Все его совещания окружались строжайшей тайной и никто кроме членов комитета на заседаниях присутствовать не мог. У дверей стоял ливрейный лакей, да двое часовых с обнаженными саблями. Там, за тяжелыми дверями, украшенными причудливой резьбой, не было ни стенографисток, ни машинисток. Тайна, полная тайна—вот девиз комитета.

Но от ливрейного лакея по мягким коврам корридора, перепрыгивая через мраморные ступени лестницы, бежали смутные, нелепые, всюду проникающие слухи.

К вечеру они наполнили весь город, назойливо лезли в уши, набивали головы тысячами вздоров.

— Прививка будет производиться только тем кто обладает достаточным имущественным цензом—уверенно сообщал какой-то выфранченный молодой человек толпе собравшейся на площади Этуаль.

— Вздор. Рабочие не допустят этого. Рабочие разнесут и комитет и профессора и.....

Проходивший мимо с ведром в руках и кистью под мышкой маляр вмешался в разговор.

— Рабочие, мсье. Нет. Плевать хотели рабочие на ваше бессмертие.

— Позвольте, удивился кто-то.

— Нечего тут позволять. На чорта сдалось рабочим ваше бессмертие. Вот мне например. Я уже двадцатя лет мажу кистью стены господских домов. Не думаете ли вы, что я соглашусь делать это вечно. Нет, мсье. Рабочие заговорят о бессмертии после...

В толпу незаметно втерся полицейский. Маляр замолчал.

— Продолжайте—улыбнулся франт подмигивая защитнику общественной нравственности—вы, кажется, хотели сказать.....

— Ничего я не хотел сказать.—Маляр сплюнул и пошел прочь.

— Несомненно большевик, решил человек с орденом почетного легиона. Несомненно большевик.

Слово толкнуло мысли в другом направлении.

— Да вот что-то большевики скажут. Им не видать этого как ушей своих.

Толпа занялась большевиками.

IV.

МАЛЯР был прав. Рабочие кварталы встретили сенсацию презрительной усмешкой.

Около газетчиков, выкликавших имя Мортеля собирались небольшие кучки.

— Кричи громче, малыш, посоветовал мальчишке, торговавшему вечерними газетами, какой-то старик,—кричи громче. Твой товар здесь никому не нужен.

— Бессмертие,—говорила соседка, худая женщина с грудным ребенком на руках.— Да пусть меня силой потянут на эту прививку я не пойду.

— Бессмертие,—говорил оратор на митинге. О бессмертии мы товарищи будем говорить после социальной революции.

В Москве, на Моховой, в штабе мировых восстаний вопрос о событии поставили в текущие дела. Председатель сообщил о полученной телеграмме, информировал собравшихся об отношении рабочих масс и уже готовился перейти к следующему вопросу когда...

— Коминтерн слушает,—сказал секретарь снимая трубку звеневшего телефона. Да... только что... да..: хорошо: Товарищи: Радио приняло сообщение что Комитет Прививок после двенадцатичасового совещания вынес решение, согласно которому прививка элексира профессора Мортеля будет произведена тем, кто согласится принять участие в священном походе на Республику Советов.

Несколько мгновений все молчали. Первым заговорил человек в военном с копной пепельно-черных волос, зачесанных назад. Поблескивая стеклами пенсне и пощипывая острую бородку он сказал, отчеканивая каждое слово.

— Армия бессмертных. Отлично. Мы возьмем их голыми руками.

V.

ЦК французской компартии получил приказ удержать рабочих от преждевременных выступлений.

Не легко было это сделать: слово «интервенция» действовало как искра, попавшая в бочку пороха. Фабрики и заводы прекратили свою работу, рабочие выходили на площади и бульвары, и ораторы компартии с трудом удерживали слишком горячих. В двух-трех местах сформировались отряды и уже двинулись-было к центру, но их во-время удалось повернуть назад.

Полиция доносила Комитету.

День обещал большие волнения. К вечеру настроение улеглось: в рабочих районах тихо. Но тишина эта внушает большие опасения. Нет сомнения, что компартия ведет усиленную работу.

У здания военного министерства, где принималась запись желающих итти в ряды священных, как назвал их римский папа, войск интервенции толпились огромные массы, желающих получить жизнь вечную.

Что за чудовищная толпа собралась здесь. Весь цвет мещанства, все упитанное, откормленное, все развратное и больное от кутежей и любви стеклось к дверям, на которых виднелась небольшая белая вывеска:

ВЕРБОВОЧНАЯ КОМИССИЯ.

Какой-то бродяга с провалившимся носом изо всех сил старался протиснуться вперед и уже оттолкнул в сторону упитанного лавочника, когда в его руку острыми ногтями вцепилась накрашенная женщина.

— Сашперлиппопет,—воскликнул бродяга—Баба. Вы тоже на войну, мадам.

И ловко подняв ее над головой, он швырнул кричавшую женщину куда-то в гущу, напиравшей со всех сторон толпы. Ломая котелки и цилиндры, царапая глаза, она барахталась и визжала. Ее крик открыл глаза до сих пор слепым от волнения людям.

— Фьют. Да здесь еще одна женщина, крикнул кто-то.

— И здесь,—отозвались в другом углу.

— И здесь—донеслось откуда-то сзади Женщин оказалось много.

Одна из них, взобравшись на плечи двух подозрительного вида молодцев, кричала.

— Вы не имеете права лишать нас этой возможности. Мы тоже хотим жить.

— А воевать хотите, перебил кто-то.

— Воевать. Да я зубами перегрызу глотки десятку большевиков, перерву за одну дозу элексира.

— Ура. Качать женщин.

— Слово, граждане,—слово—надрывался человек в бархарной куртке.—Я предлагаю допустить женщин. Допустить. Но... но только красивых. Поднимайте их на плечи, а мы все будем судить. Достойна или нет. Правильно?

— Правильно. Правильно. На плечи женщин.

Девушка лет восемнадцати взметнулась высоко над толпой.

— Сними шляпку,—крикнули ей несколько голосов.

Она повиновалась.

— Ножки покажи. Ножки. Да не так... выше... вот так.

— Разденься...Совсем...

Девушка колебалась.

— Разденься. Разденься,—ревела толпа.

Юбка и кофточка полетели вниз.

В другом месте какой-то безногий на деревянной тележке пробирался между ногами бесновавшихся людей.

— А ты куда?—остановил его долговязый парень только-что извлекший часы из кармана своего соседа.

— Я тоже пойду на войну. Тоже.

— Ты,—засмеялся парень—калека!

— Я буду у пулемета. Я старый пулеметчик. Я еще на прошлой войне ноги потерял: я тоже жить хочу. Тоже,—кричал он, вцепившись в ногу парня, который забавляясь испугом калеки, отшвыривал его в сторону сильными пинками.

Через пять дней Первый Корпус Священной Армии Бессмертных был целиком сформирован. Его командиром Комитет назначил племянника президента виконта д'Ормон.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

ПОСЛЕ своего обессмертия виконт д'Ормон пьянствовал целую ночь. Еще так недавно домашний врач виконта категорически запретил ему потребление алкоголя. А теперь... все можно, все доступно, все безвредно. Товарищи по кутежу вливали в виконтовское горло самые невероятные смеси приговаривая:

— Качай виконт. Тебя никакой яд не возьмет. Дуй на здоровье.

В середине вечера кто-то предложил.

— Господа. Маленький опыт. У меня в перстне есть кристаллик цианистого кали. Не согласится ли виконт...

Д'Ормон улыбнулся.

— Пожалуйста.

Владелец яда протянул ему крупинку страшного вещества. Д'Ормон взял его кончиками пальцев и... остановился.

— Я не боюсь, господа,—сказал он в ответ на удивленно-вопросительные взгляды.—Может быть вы не поймете меня, но это так странно, вдруг, вот сейчас проглотит эту частицу яда и реально, совершенно реально почувствовать себя бессмертным. До сих пор я только верил этому. Теперь я буду знать это. Понимаете вы. Итак...

Он сделал движение, чтобы поднести яд к губам, но сидевшая рядом с ним женщина резким движением толкнула руку виконта. Кристалл выскользнул из холеных пальцев.

— Эй, ты с ума сошла, — вспыхнул д'Ормон.

— Я не хочу, я не хочу этого, а вдруг...

Упавшего кристалла не нашли.

На следующий день виконт проснулся с головной болью и с невыносимо ноющим телом. Он взял ванну, обильно приправленную духами, но это не помогло.

— Надо пройтись,—решил он.

Свежий апрельский ветерок выгнал пары алкоголя. Было уже около двух, и улицы кишели народом. Толпы стояли у об'явлений Комитета Бессмертия. Мальчишки-газетчики шмыгали под ногами. Рожки автомобилей надоедливо тявкали простуженными голосами.

Виконт д'Ормон решил перейти на другую, солнечную сторону.

В большом европейском городе приезжий провинциал теряется перед этой непосильной задачей. Несколько сажаней отделяют его от противоположного тротуара и на этих нескольких саженях десятки воющих, звенящих и визжащих опасностей стерегут его. Трамваи и автобусы, автомобили и мотоциклетки, велосипеды и раскошные выезды богачей несут с собой ужас увечья, может-быть и смерти. Сплошной вереницей летят они друг за другом, и, кажется, что нет никакой возможности проскочить между ними, не свернув шеи.

Опытный взгляд столичного жителя легко и спокойно ориентируется в этой сутолоке. Сразу намечает он свободный проход, ловко отводит голову породистого рысака, дружеским жестом руки предостерегает спокойного шоффера, раскуривает потухшую папиросу перед самым носом трамвая, поправляет шнурок ботинка в двух дюймах от испуганного велосипедиста и, провожаемый проклятьями мотоциклиста, вступает на противоположный тротуар.

Виконту д'Ормон никогда и в голову не приходила, мысль что его могут сбить с ног, раздавить, изувечить. В своей красножелтой кэпи и сером плаще он, прогуливаясь, переходил улицу, предостерегающе поднимая стэк.

Но сегодня с виконтом случилось что-то странное. Едва он вступил на мостовую, как мимо его носа прошмыгнул блестящий авто. В другое время виконт не обратил бы на это никакого внимания, но сегодня он вдруг вспомнил слова профессора Мортеля:

„ВЫ МОЖЕТЕ ПОГИБНУТЬ ПОД КОЛЕСАМИ ТРАМВАЯ ИЛИ АВТОМОБИЛЯ".

— О нет. Нельзя же так глупо рисковать вечной жизнью. Вечной жизнью. Нет, виконт, лучше подождет, пока проедет вот эта мотоциклетка. А теперь автобус. Надо пропустить и его. Вот этот велосипедист едет слишком быстро. Ну, кажется, можно. Ах, что за сумасшедшие лошади в коляске этой дамы.

Уже несколько десятков человек с той и другой стороны улицы перешли полную движения полосу, а виконт д'Ормон все стоял и стоял, пока, наконец, не решил, что теневая сторона лучше солнечной, и не вернулся домой старым путем.

На гладком полированном полу вестибюля он поскользнулся и чуть-чуть не упал. Услужливый лакей поддержал его.

— Здесь надо постлать ковер. Можно упасть и разбить себе голову о косяк. Распорядитесь.

— Слушаю, виконт.

Швейцар удивился. Виконт ненавидел ковры. Дом достался ему в наследство от брата, и первым распоряжением нового хозяина было:

— Убрать эту мягкую дрянь. Они только пыль разводят.

На столе в кабинете лежала утренняя корреспонденция. Между другими в глаза виконта бросился большой конверт с бланком военного министерства.

— Опять комиссия,—усмехнулся он, отрывая тонкую полосу бумаги.

В конверте было извещение о том, что он, виконт д'Ормон, ротмистр назначается командиром 1-го корпуса Священной Армии Бессмертных. Предлагается немедленно приступить к исполнению обязанностей.

Д'Ормон вздрогнул. Корпус... война... опять...

— Вы можете погибнуть под колесами трамвая или автомобиля, от удушья и от удара палкой, от пули, от ножа...

— И штыка тоже, милый, профессор,— подумал виконт.

Что же делать. Сослаться на болезнь? Отговориться недостатком опыта?

Раздумывая, виконт шарил глазами по комнате, словно хотел прочесть решение вопроса в лепных узорах потолка и лакированной панели стен. Случайно глаза его остановились на большом зеркале и он увидел себя в новеньком с иголочки мундире. Грудь мундира была украшена орденами.

— Нет. Виконт д'Ормон не трус. Все это вздор: все это пройдет, Жан, закажите автомобиль.

II.

Вербовочной комиссии, где являющиеся запо няли анкеты и подписыв и какие-то обязательства, их предупреждали.

— Прививка после прохождения полного курса военного обучения.

Некоторым это не нравилось, и они поворачивались, чтобы уйти, но в большинстве случаев, не дойдя до двери, махали рукой и возвращались.

— Чорт с вами, пишите. После, так после.

Записавшиеся чувствовали себя уже бессмертными и, весело напевая, уходили, уступая место другим.

На записи дело не кончалось. Предстоял еще ряд формальностей в виде медицинских комиссий, комиссии полицейской благонадежности, в виде отобрания материальных поручительств. Всякий вступающий в армию должен был представить определенное движимое или недвижимое обеспечение.

— Совершенно правильно, сказал какой-то упитанный человек, подписывая обязательство.—Совершенно правильно. Не можем мы разводить бессмертных нищих.

— Сволочи,—буркнул не имевший поручительства апаш. Вы еще узнаете нас. Ночью произошло несколько дерзких грабежей на самых людных улицах. Полиция удвоила число и величину постов.

24-го апреля виконт д'Ормон рапортом президенту донес о своем вступлении в должность.

Перв е в емя обучен е добровольцев было поставлено так, чтобы не слишком отягчать обучающихся. Они обязаны были являться на занятия в семь часов утра и работали только до десяти.

Но время не ждало. Комитет Бессмертия, превратившийся в штаб мировой интервенции, был крайне обеспокоен подозрительном молчанием Советской России, не только не обращавшейся с воззваньями и протестами, но даже не прерывавшей официальных сношений со странами, давшими в комитет своих представителей. Часы занятий добровольцами все удлинялись, и удлинялись, и, наконец, корпус перешел на казарменное положение.

В огромном своем большинстве записавшиеся были люди уже знакомые с военным делом по опыту минувшей войны, и поэтому менее чем через два месяца виконт д'Ормон приказом по корпусу назначил поверочные испытания, на которых собирался присутствовать сам.

Офицеры корпуса в день назначенный для испытаний волновались с самого утра. Они старались угадать какую часть виконт посетит первой, и, наконец, командир одного из полков узнал, что эта честь выпала на его долю. Он немедленно приказал приготовится к практическому гранатометанию.

Ручные гранаты были коньком Д'Ормона. Он любил их страстной любовью пресыщенного человека, которому приятно вертеть в руках игрушку, таящую смерть. Он наслаждался возможностью задержать в ладони уже шипящую лимонку. Он любил схватывать и возвращать противнику, упавший на землю подарок. При этом он внимательно изучал это дело и сам был конструктором новой системы, называвшейся—граната д'Ормона.

Именно эти гранаты велел приготовить командир полка.

Когда виконт в сопровождении своего штаба под'езжал к месту занятий полка, он еще издали услышал взрывы своих «милашек». Из тысячи других звуков брался он отличить этот характерный визгливо-ноющий звук, звук, который нес за собой страшную смерть не только от толстых неправильных осколков, но и от ужасного газа, скрытого под оболочкой бомбы.

Да это его «игрушки».

— Полк занимается практическим гранатометанием—рапортовал командир.—Мы надеемся, что виконт не откажется продемонстрировать солдатам свое искусство.

Кавалькада придвигается ближе: уже видны контуры вала и фигуры людей подбегающих к этому валу, замахивающих бросающих что-то и быстро нагибающихся. Виден полет удачно брошенной гранаты, слышен гул взрыва.

— Направо, виконт, направо.

Но виконт решительно поворачивает налево. Он очень любит исскусство гранатометания. Он не боится за себя, когда держит в руке шипящую бомбу. Но мало ли что может случится? Вдруг бомба разорвется раньше времени. Или, размахиваясь для броска, виконт поскользнется и упадет. Или кто-нибудь из этих неопытных еще гренадеров допустит ошибку. Может произойти несчастье, можно оказаться раненым и тогда...

— Если медицина не сумеет оказать вам своевременную помощь, все это может убить вас!

— Нет полковник. Я не заеду в ваш полк. Верю вам издали. У меня не хватит времени. До свиданья.

И весь штаб послушно поварачивает налево за командиром 1-го корпуса Священной Армии Бессмертных.

III.

ПРИКАЗ Комитета Бессмертия.

„По донесению командира Первого Корпуса Священной Армии Бессмертных, Корпус готов к выступлению. Наступил момент, когда всем без исключения: офицерам чиновникам и солдатам корпуса должна быть произведена прививка элексира. Но лаборатория вырабатывающая означенный элексир не успела произвести его в достаточном количестве. Для избежания могущего возникнуть недовольства среди части корпуса, коей прививка не сможет быть произведена, Комитет постановил: сроком производства прививки назначить момент окончания военных операций».

Комитет.

— Ну, нет,—сказали господа офицеры, прочтя приказ.

— Ну, нет,—зашумели солдаты, узнав о распоряжении комитета.

— Сперва элексир, потом фронт,—заявили все.

На следующий день прививка началась.

IV.

ВИКОНТ д'Ормон сидел в кабинете Председателя Комитета.

— Факты вещь упрямая, господин председатель, — говорил он, — но третьего дня солдаты одного из полков отказались стоять в карауле у пороховых погребов. Вчера в другом полку во время практической стрельбы произошел разрыв винтовки и затвор размозжил голову стрелка. Полк отказался продолжать стрельбу Сегодня гренадеры заявили, что они не желают иметь при себе капсюли от бомб и настояли на передаче их в склады. Они не хотят иметь дело с такими опасными штуками. Они боятся.

Председатель позеленел.

— Что же это, значит, виконт. Все ваши солдаты трусы!

— Все мои солдаты бессмертны, господин председатель!

. . . . . .

Утром следующего дня корпус грузился в поезда, чтобы следовать сквозными эшелонами на русско-польскую границу— этот же день вечером полиция, жандармерия и регулярная армия потребовали прививки.

Виконт д'Ормон с корпусом не поехал. Накануне вечером он, прочищая револьвер, случайно прострелил себе ладонь руки.

V.

ПАРИЖ спал. Бессмертная полиция сторожила его покой. Бес мертная армия хранила границы Франции.

В рабочих кварталах, крадучись по стенкам, проходили вооруженные люди. Они собирались на прощадях и оттуда стройными коллонами двигались к центру. Попадавшиеся по пути полицейские дрожали как зайцы перед дулами наведенных на них револьверов. Охрана арсеналов безмолвно поднимала руки вверх. Бессмертная жандармерия в панике бежала перед смертью, надвигавшейся на них стройными рядами рабочих отрядов.

Через пару часов город был в руках восставших.

. . . . . .

Председатель Комитета имел этой ночью тайное свидание с Мортелем.

— Какого дьявола, кричал председатель,—какого дьявола сказали вы все эти глупости об автомобилях и пулях, когда вливали в этого олуха президентского племянника вашу водицу.

— Позвольте, господин председатель. Мне было приказано, чтобы все было как можно правдоподобнее. Вот я постарался. Ну если бы я этого не сказал. Первый несчастный случай, и обман открыт.

— Все равно он будет открыт, рано или поздно!

— Вот этого-то я и боюсь. Висеть на фонаре не моя специальность, господин председатель!.

— И не моя, профессор. Ну да впрочем мы...

Дверь кабинета открылась, и отступивший с поднятыми вверх руками, караул пропустил трех человек с револьверами в руках.

VI.

СПЕСНЯМИ и музыкой двигался эшелон через Германию В дороге в движении Герои Первого Корпуса не думали о предстоящем. С незаряженными винтовками (как бы не выстрелила случайно), с гранатами, капсюли от которых (опасная штука) хранились в складах, следовавших особым эшелоном неслись они к границам Советской России, по дороге хвастаясь предстоящими подвигами.

Наконец, первый головной эшелон достиг маленькой силезской станции. Здесь поезд остановился перед семафором. Стоял час, стоял два, а к концу третьего часа к поезду подошли пятеро вооруженных рабочих и скомандовали.

— А ну вылезай, да клади оружие! Живо! А то... Кругом пулеметы.

И Бессмертные солдаты Первого Корпуса Священной Армии покорно выходили из вагонов складывали безвредное оружие и возвращались обратно, пугливо посматривая на револьверы и бомбы пятерых.

За первым эшелоном под'ехал второй, потом следующий и...

. . . . . .

Коминтерн слушает.

— По радио сообщают, что эшелоны Первого Корпуса Бессмертных обезоружены германскими железнодорожниками и возвращены обратно к границам Франции.

ШТРЕЙКБРЕХЕР.

Тов. Джонс.

Иллюстрации Т. Д. С.

I.

КОГДА капитан узнал, что Генри Мидлстон социалист, он позвал его к себе и кратко сказал:

— В следующем порту!

Генри кивнул головой. Не впервой слышал он эту фразу. За последние три года уже несколько раз высаживали его на середине рейса.

На этот раз дело обстояло еще не так плохо. Судно было уже у берегов Англии, и «следующий порт» был английским портом. Жалованье предстояло получить не малое, а значит добраться до своего города будет легко.

Хуже бывало когда «выкидывали» где-нибудь в чужой стране. Тогда приходилось шататься по нескольку дней в поисках работы, жить поддержкой организации и ждать судна, с капитаном которого раньше не приходилось встречаться.

В дверях каюты он остановился. Капитан звал его:

— Мидлстон!

— Есть, капитан!

— Распишитесь!

Генри взял карандаш и вывел свою фамилию в графе «причитается». Капитан закрыл книгу и положил ее на полку.

Генри ждал.

— Можете итти!

— Но, капитан!

— Можете итти,—говорю я вам!

Генри понял, что разговаривать нечего. Он круто повернулся и уходя хлопнул дверью.

Свежий соленый ветер ударил ему в лицо. Серая гладь моря на горизонте разрывалась черной полосой, окутанной облаками дыма. «Следующий порт» был близко.

Генри спустился в каюту команды и собрал свой небольшой багаж. Книжки он особенно бережно спрятал в складках одеяла.

Потом, присев на койку около перевязанного ремнем багажа, он стал обдумывать свое положение, машинально шаря руками в карманах. В одном из них уныло звенели четыре пенса.

II.

ПОРТ, в котором он высадился или, вернее сказать, в котором его высадили, он знал как свои пять пальцев В конце-концов, положение не было безнадежным. Обойдя две—три таверны, он неминуемо встретит кого-нибудь из своих и с их помощью доберется до дома. Можно и прямо обратился в комитет.

Но не такой человек был Генри. Свою руку он протягивал за помощью только тогда, когда терял всякую надежду на возможность работы. И первой мыслью его, когда он ступил на скользкие и грязные камни набережной, была мысль о работе.

Вечерело. Скользкий, густой туман пополз над крышами зданий и тяжелой массой лег в каналы улиц. Как чьи-то удивленные глаза смотрели расплывшиеся пятна фонарей. Едва видные сквозь серую завесу скрипели суда. Далеко в море плакала одинокая сирена.

Генри устало ругал и туман, и фонари, и сирену и почти ощупью шел по краю набережной. Путеводителем ему служили ярко освещенные окна большого отеля, теперь сливавшиеся в одно туманное пятно. Около этого отеля была таверна «Трех Друзей».

Итти было не только трудно, но и опасно. Под ноги то и дело попадались канаты и цепи, так что каждый раз прежде чем ступить надо было, вытянув ногу, пошарить перед собой. Неосторожный шаг мог повлечь за собой купанье, которое при таком тумане окончилось бы плохо.

— Чорт вас тут понаставил!—не выдержал, наконец, Генри,—ударившись коленом о какой-то ящик.—Какой дьявол грузит в тумане?

— Тебя не спросили,—огрызнулись из белой мути.—Шел бы лучше помочь, а то людей не хватает.

— Работа?

— Сколько угодно!—из мглы вынырнуло лицо, освещенное фонарем.

— Есть работа?—переспросил Генри.

— Говорю, сколько угодно. Ищешь?

— Не прочь.

Человек с фонарем повернулся и Генри пошел за ним. Скоро муть тумана разорвалась светом шести фонарей, укрепленных на сходнях, ведших в брюхо грязного парохода. По ним, сгибаясь под тяжестью ноши спускались и поднимались люди. На берегу лежали кучей небольшие продолговатой формы ящики.

— Шесть пенсов штука. Валяй!

Генри нагнулся, ни говоря ни слова, поднял один из ящиков и чуть не упал под его тяжестью.

— Какого лешего вы наложили туда?

Ему никто не ответил, и он взвалил ящик на плечи пошел по сходням.

На втором десятке Генри остановился. Десять шиллингов деньги, на которые можно добраться до дому. Да и спина болит.

— Устал?—проворчал человек записывавший ящики.—Неженка! Получай!

И он отсчитал звенящие кругляшки в болевшую от работы руку Генри.

— Раз, два, три... пять... десять... Олл райт!

— Олл райт!—кивнул головой Генри.

Вот теперь дело другое! И поесть можно и трубку лишний раз раскурить. Повезло.

С первых же шагов повезло!.. И засунув руки в карманы, он скрылся в туман, насвистывая Интернационал.

Человек считавший ящики, прислушался. и расхохотался.

— Дурак!

III.

ВЕРОЯТНО и десяти шагов не отошел Генри, как из тумана вынурнули две фигуры. Одна из них прыгнула прямо на Генри.

Сильная рука схватила его за грудь, и увесистый кулак вынырнул из тумана к самому его носу. И вместе с кулаком едва слышно вынырнуло тяжелое и обидное слово:

— Штрейкбрехер!

Генри отшатнулся. Человек державший его мог бы сейчас его ударить по лицу, повалить на землю, бить и топтать ногами. Все это было бы ничто в сравнении с тем ужасным оскорблением, которое так прямо и уверенно кинули ему из тумана.

— Штрейкбрехер!

— Нет!—заорал Генри, протягивая руки, словно отталкивая что-то от себя.

— Нет! Нет! Нет!

Есть люди, которые не лгали ни разу в своей жизни. Их голос приобретает особый оттенок твердости и уверенности, словно они и мысли не допускают, что кто-нибудь может не поверить им.

Такой человек был Генри, и такой у него был голос.

Человек державший его за грудь фуфайки, потянул его за собой и в тусклом свете уличного фонаря повернул к себе лицом.

— Генри!

— Эдд!

— Прости, я думал что ты из этих.

— Из каких?

— Из тех, кто грузит там ящики.

— Ящики?

— Да, ты оттуда шел. Ты видел их?

— Я помогал им.

— Ты?

— Я.

— Ты грузил ящики, Генри?

— Да, Эдд.

— И много ты получил за это?

— Вот. — Генри вынул деньги из кармана.

Раз! Эдд ударил его по руке и монеты со звоном потерялись в тумане.

IV.

ВСЯКИЙ моряк пьет. Пил и Генри Но до пьяна он никогда не допивался: кружку, другую доброго портера, чтобы прочистить горло, саднившее от соленых ветров моря, да иногда, когда шторм бывал очень силен и дождь превращал человека в мокрую тряпку—стаканчик виски. Товарищи подтрунивали над ним, но зная его силу и храбрость, эту странность, прощали, а начальство недовольно хмурило брови когда в мертвецки пьяной компании моряков, возвращавшихся на борт, твердо и прямо шагала приземистая фигура Генри Мидлстона.

Трезвый моряк большая неприятность для капитана судна.

Но сегодня в таверне Трех Друзей» Генри пил так, как может пить, только заправский пьяница. Стакан за стаканом вливал он в себя виски, мешая ее с пивом и портером, бросая монету за монетой на грязный вонючий прилавок. И сколько ни пил—ни тени опьянения. Мозг оставался свежим, руки не дрожали, ноги слушали и не задевали за покоробившиеся доски пола. И хуже всего то, что в трезвом мозгу, как звон сигнального колокола билось жестокое слово:

— Штрейкбрехер!

Те что остановили его сидели за одним из столиков и внимательно смотрели за каждым его движением. В их глазах чувствовалась глубокая жалость и когда, запрокинув голову, он вытряхивал в горло последнюю каплю очередного стакана, они печально кивали головами.

Генри словно забыл о них. Вначале они пробовали удержать его, но напрасно. Всегда ровный и мягкий он сердито послал их к чорту и теперь пил не глядя, не видя тех, кто открыл ему глаза, кто показал ему весь ужас случившегося.

— Еще стакан!—Последняя монета летит на прилавок, последний заряд алкоголя отправляется в горло. Ничего! Мгновение Генри стоит и смотрит кругом. Не шатаются ли стены? Не двоится ли в глазах? Нет! Все в порядке! Генри Мидлстон не будет пьян сегодня!

Все равно! Он знает, что ему делать. Штрейкбрехер! Он, Генри Мидлстон! Он, в кармане которого уже три года лежит маленькая красная книжка? Нет! Нет! Это неправда! Это сон! Бред! Кошмар!

— Эдд!—Шагнул он к столу, за которым сидели двое.—Эдд! Еще раз! Ты пошутил может быть Эдд? Это неправда!

— Эдди! Скажи, что это неправда!

Сидевший поднял свои глаза и увидел лицо, перекошенное смертельным ужасом.

— Скажи, что это не правда, Эдди?

О, Эдд отдал бы пол жизни, чтобы сказать это. Слишком хорошо знает он, Генри, слишком любит его. Генри знает это. Генри понимает, что так не шутят. Это плохие шутки. Нет, Генри, это правда.

— Это правда, Генри!

Дверь таверны захлопнулась с такой силой, что зазвенели бутылки на столиках и на прилавке. Один из сидевших поднялся, но другой удержал его.

— Сиди, Эдд! Генри знает, что делает.

V.

ПОГРУЗКА еще не кончилась. Проклятый туман никак не хотел рассеиваться и люди ступали по сходням медленно, боясь сделать неверный шаг.

Человек, считавший ящики, ворчал, негодуя на туман, который был густ как молочный кисель и на проклятых лодырей,

. . . Генри знает что делать . . .

которые не берутся за такую выгодную работу.

— Эгэй!—крикнул он.—Эгэй! на борту.

— Есть на борту!—ответили сверху.

— Смена скоро? Дьяволы! Я продрог здесь, как кошка под водосточной трубой.

— Сейчас!

Через пару минут по сходням спустился грязный краснолицый человек, принял от считавшего опись, уселся на боченок и прорычал:

— Ого, Биль! Там крепкий ром в каюте.

Биль растаял в тумане.

Краснолиций зевнул во все свое широкоскулое лицо, потянулся так, что боченок предостерегающе скрипнул и принялся записывать ящики обгрызком тупого карандаша. В одном месте какая-то цифра никак не выписывалась и краснолиций человек, ругнувшись, полез за голенище, вынул огромный нож и пыхтя стал оттачивать карандаш. За этим занятием застал его внезапно вынырнувший из тумана Генри.

— Ну?—поднял, наконец, голову краснолицый.

— Говорят, вам нужны люди?

— Нужны! Шесть пенсов ящик.

— Олл райт!

И взвалив себе на плечи тяжелый груз, Генри Мидлстон скрылся в черном чреве судна.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Двое долго еще сидели в таверне, куря короткие трубки.

— Пойдем что ли, Эдд?—поднялся, наконец, один.

— Пойдем!

Постояли у прилавка, ожидая сдачу, кивнули на ходу двум-трем приятелям и уже взялись за ручку двери, как вдруг...

. . . . . .

. . . . . .

— Ты цел, Эдд?

— Кажется.

— Да зажгите кто-нибудь спичку!

— Сейчас.

Огонек зажигалки колебался в тяжелом воздухе.

— Кажется, все цело?

— Что это было?

. . . . . .

Архангельск.

Срочно секретно.

Главнокомандующему экспедиционным корпусом британских войск.

Задержка в доставке пороха произошла вследствие того, что по невыясненным причинам судно «Виктория» с грузом боевых припасов взорвалось перед отправкой из порта.

Отдел снабжения главного штаба Британской армии.

КРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЯТА

Первый шедевр — советской кинематографии.

С РУЖЬЕМ ПО АФРИКЕ

Съемки американской экспедиции.

АЛЧУЩИЕ ЗОЛОТА

Кино-роман приключений из жизни золотоискателей.

ДЖЕККИ КОГАН

Маленький друг Чарли Чаплина.

КАРМЕН

Кино-пародия Чарли Чаплина

и

неподражаемые комедии с участием.

БЕБИ ПЕДЖИ

прошли первым экраном в

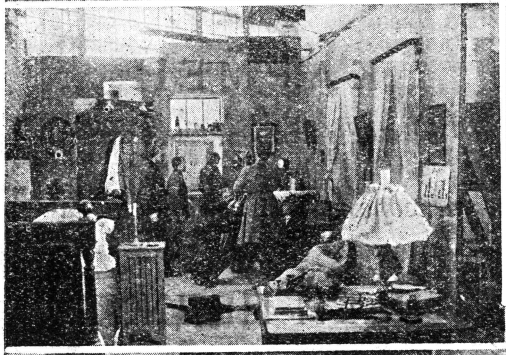
КИНО МАЛАЯ ДМИТРОВКА 6.

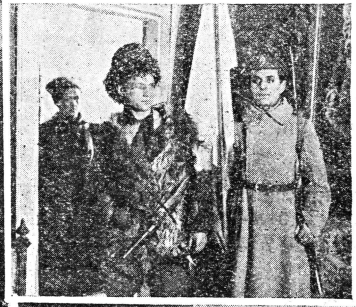
КИНО-ЭКРАН

ЭКРАН ГОСКИНО

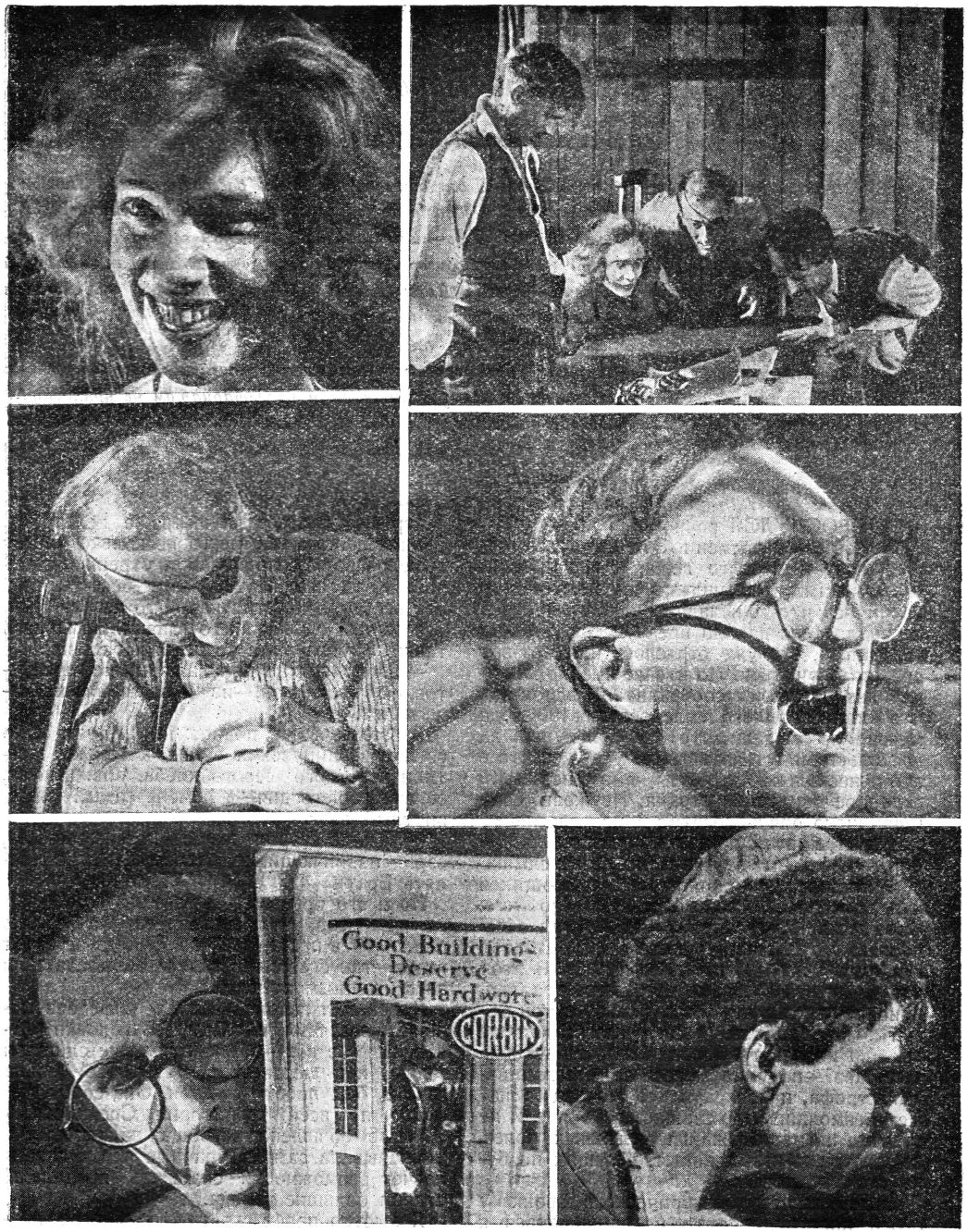
Приключение Мистера Веста; постановка Кулешова, сценарий Асеева.

Банда Батько Кныша; постановка Разумного.





Банда Батько Кныша. *Кадры из фильмы.*



Приключения мистера Веста. Кадры из фильмы.

МАЕВКА ДЕБСА.

Джек Лондон.

Иллюстрация Т. *Кабнич.*

Маевка Дебса один из последних рассказов Джека Лондона, написанный незадолго до его смерти и напечатанный несколько лет спустя. Дебс—известный американский социалист, мечтающий овладеть производством и политическим аппаратом страны мирным путем. Джек Лондон в своем интересном утопическом рассказе воспроизводит его мечты, воплощая их в реальную действительность.

Говорить о возможности такого решения сложной проблемы отношений между капиталом и пролетариатом не приходится. Жизнь и наша революция показали единственный возможный путь к победе труда, путь вооруженной борьбы и пролетарской диктатуры.

Я ПРОСНУЛСЯ ровно за час до своего обычного времени. Это было из ряду вон—и я долго лежал с раскрытыми глазами, размышляя; в чем дело? Что-то случилось, что-то неладно—но что именно, я не знал. Меня давило предчувствие чего-то страшного, что уже стряслось или вот-вот должно случиться. Но что же именно? Я мучительно старался сообразить. Я вспомнил, что в эпоху великого землетрясения 1906 года многие утверждали, что они проснулись за несколько минут до первого удара, и что в эти несколько минут они испытали странное ощущение страха. Неужели Сан-Франциско опять посетит землетрясение?

Целую минуту я лежал в немом ожидании,—но стены не шатались и не слышалось грохота и скрипа обваливающихся домов, все было спокойно. Вот оно что: безмолвие! Неудивительно, что я был обеспокоен! Странным образом отсутствовал гул огромного оживленного города. В этот час дня по моей улице пробегали трамваи, приблизительно по одному каждые три минуты: но вот уже десять минут, как не прошло ни одного. Может быть, забастовка трамваев?—подумал я; или же—на станции катастрофа, и прекратилась подача тока? Нет, безмолвие было слишком глубокое. Я не слышал ни дребезжанья тележных колес, ни топота кованых копыт, бегущих по булыжным мостовым.

Нажав кнопку электрического звонка у своей постели, я стал прислушиваться к звону колокольчика—хотя хорошо знал, что звук его не может донестись ко мне на третий этаж, если он даже действует. Звонок действовал; через несколько минут вошел Браун с подносом и утренней газетой. Хотя его черты были бесстрастны, как всегда, я заметил какой-то испуганный, тревожный огонек в его глазах. Заметил я также, что на подносе не было сливок.

— Молочная не прислала нынче продуктов,—объяснил он;—из булочной тоже ничего нет!

Я взглянул на поднос: на нем не было свежих французских булок, а только ломтики черствого серого хлеба, повидимому, со вчерашнего дня—для меня самый ненавистный сорт.

— Нынче утром ничего не доставили, сэр! — извиняющимся голосом начал объяснять Браун.

Но я его прервал.—А газеты?

— Да, сэр, она доставлена, но только она, и то в последний раз. Завтра не будет газет—так сказано в газете. Не послать-ли за сгущенным молоком?

Я покачал головой, выпил кофе без молока и взглянул в газету. Заголовки об'яснили мне все—объяснили даже слишком много, ибо пессимизм, в который впала газета, был просто смешон. Она сообщала, будто по всей территории Соединенных Штатов об'явлена всеобщая забастовка; и высказывала самые мрачные предчувствия насчет возможности снабжать продовольствием большие города.

Я быстро пробежал газету, многое пропуская и вспоминая рабочие волнения в прошлом. Давно уже всеобщая забастовка

была мечтой организованных рабочих. Эта мечта первоначально родилась в уме Дебса, одного из видных рабочих вождей лет тридцать тому назад. Я вспомнил, что в молодости, в гимназические годы, даже я написал на эту тему статью для одного из журналов и назвал ее: „Мечта Дебса". Должен признаться, что я трактовал эту идею чисто академически, учитывая ее, как пустую мечту, и ничего больше! Но эпоха и мир прогрессировали! Исчез Гомперс, исчезла Американская Федерация Труда, вместе с Дебсом исчезли его революционные идеи; но мечта осталась, и вот, наконец, она воплотилась! Но я невольно рассмеялся, читая мрачные предсказания газет. Я лучше знал, я видел, как часто, слишком часто организованный Труд терпел поражение в конфликтах. Дело будет улажено, это вопрос дней! Это национальная забастовка, и правительству нетрудно будет скоро сломить ее!

Я бросил газету и стал одеваться. Да, интересно бы теперь прогуляться по улицам Сан-Франциско в момент, когда ни одно колесо не вертится, и весь город предается невольным каникулам!

— Прошу прощения, сударь,—промолвил Браун подавая мне мой портсигар, — но м-р Хармед хотел повидать вас перед тем, как вы выйдете!

— Пришли его сюда,—ответил я.

Хармед был дворецкий. Когда он вошел, я прочел на его лице сдерживаемое волнение; он сразу приступил к делу.

— Что мне делать, сэр? Нужна провизия, а поставщики с тележками все бастуют, и ток прекратился—полагаю, и там рабочие забастовали!

— А лавки открыты?—спросил я.

— Толь о маленькие лавчонки, сэр. Приказчики не явились, и большие магазины не могут открыться; в маленьких же торгуют хозяева и их семьи

— Тогда возьмите машину,—сказал я,— поезжайте и сделайте закупки! Накупите побольше всего, что вам нужно, или что может понадобиться. Купите коробку свечей — нет, полдюжины коробок. А когда справитесь, скажите Гаррисону, чтобы он подал для меня машину к клубу—не позже одиннадцати!

Хармед хмуро покачал головой: — М-р Гаррисон забастовал вместе с профессиональным союзом шоферов, а я не умею управлять машиной.

— О, и он забастовал, вот как!—сказал я.—Ну, что ж, когда мистер Гаррисон покажется, скажите ему, что он может искать себе другое место.

— Хорошо, сэр!

— А вы не принадлежите-ли к союзу дворецких, Хармед? А?

— Нет, сэр,—был ответ.—И если бы даже я принадлежал, я не покинул бы своего хозяина в такой критический момент. Нет, сэр, я бы...

— Отлично, благодарю вас! Теперь приготовьтесь сопровождать меня: я сам буду управлять машиной, и мы столько запасем провианта, что сможем выдержать осаду!

Был чудесный день, первое мая—в мае, впрочем, все дни чудесны. Небо было безоблачно, ни ветерка, воздух был теплый —почти бальзамичный. Автомобилей виднелось не мало, но управляли ими сами владельцы. На улицах было людно, но тихо. Рабочие, одетые в свои лучшие, воскресные платья, чинно прогуливались, дышали свежим воздухом и наблюдали действие стачки. Все было так необычно и притом так мирно, что я сам наслаждался картиной. Легкое возбуждение щекотало мои нервы. Это был что-то в роде мирного „приключения" Я проехал мимо мисс Чикеринг. Она сама сидела за рулем своего автомобильчика. Она повернула машину и поехала за мною, догнав меня на углу.

— О, м-р Корф, — приветствовала она меня.—Не знаете ли, где я могу достать свечей? Я заходила в дюжину лавок, и везде свечи распроданы! Это ужасно, не правда ли?

Но ее сияющие глаза говорили обратное. Как и все мы, она упивалась событиями. Поиски свечей—да это целое приключение! Только когда мы пересекли весь город и забрались в рабочий квартал, к югу от Базарной улицы, нам попались бакалейные лавчонки, еще не распродавшие свечей. Мисс Чикеринг решила, что одной коробки будет достаточно, но я уговорил ее взять четыре Автомобиль у меня большой, и я погрузил в него дюжину коробок. Кто его знает, когда окончится забастовка! Я нагрузил также автомобиль мешками муки, порошком для печения, консервами и всеми необходимыми предметами, о каких мог вспомнить Хармед, шумевший и суетившийся над покупками как хлопотливая старая курица.

Замечательное дело: в первый день забастовки никто, решительно никто, не опасался ничего серьезного! Помещенная в утренних газетах прокламация организованных рабочих, что они готовы бастовать месяц, и три месяца, вызвала только смех. А между тем, мы в первый же день могли кой о чем догадаться уже по одному тому обстоятельству, что рабочий класс в сущности не

принимал никакого участия в отчаянной погоне за провизией. Разумеется, нет! Целые недели и месяцы, умненько и тихонько, весь рабочий класс запасался продуктами! Вот почему рабочие спокойно прогуливались и позволяли нам раскупать запасы в лавчонках рабочих кварталов!

Только приехав в клуб после обеда, я заметил первые признаки тревоги. В клубе царило смятение. Не было оливок для приготовления замысловатых спиртных смесей, и вообще вся служба в клубе шла через пень-колоду. Большинство посетителей злились, и все были удручены. Меня встретил громкий хор восклицаний, генерал Фольсом, поглаживая свое объемистое брюхо в кресле у окна курительной, отбивался от полдюжины взволнованных джентльменов, которые требовали, чтобы он предпринял что-нибудь.

— Разве я могу сделать больше того, что я сделал?—говорил он.—Из Вашингтона нет приказаний! Если вы, господа, можете телеграфировать туда, я готов сделать все, что мне прикажут! Но я не вижу, как это устроить. Первое, что я сделал в это утро, узнав о забастовке, заказал войска из Президиума—три тысячи человек! Они охраняют банки, монетный двор, почтамт и все общественные здания. Беспорядков нет нигде, забастовщики ведут себя смирно. Не можете же вы требовать, чтобы я стрелял в людей, которые гуляют по улицам со своими женами и детьми в праздничных нарядах.

— Хотел бы я знать, что происходит в Уолл-стрите! — услышал я голос Джимми Уомбольда, проходя мимо. Я хорошо понимал его тревогу; ибо знал, что он по уши залез в Акционерную компанию Консолидированных Западных дорог.

— Послушайте, Корф,—крикнул мне Аткинсон,—что, ваша машина действует?

— Да,—ответил я — А что с вашей?

— Сломалась, а гаражи заперты. Автомобиль жены где-то за городом, — возле Трэки я полагаю. Не могу телеграфировать ей ни за деньги, ни даром! Она должна была бы приехать нынче вечером. Чего доброго, она умирает с голоду! Одолжите мне вашу машину!

— Ее нельзя будет перевезти через бухту, - вмешался Гэльстед.—Пароходы не ходят. Но я вам скажу, что вы можете сделать. Вот Роллинсон эй, Роллинсон, подойдите сюда на минутку! Аткинсону нужно переправить машину через бухту, жена его застряла в Трэки. Не можете ли вы отправить „Люрлетту" из Тибурона и перевезти машину?

„Люрлетта" была яхта типа шхуны, в двести тонн, ходившая даже в океан.

Роллинсон покачал головой.—Нет ни одного грузчика, чтобы поднять машину на борт, даже если бы мне удалось пустить в движение „Люрлетту", но и это невозможно, потому что экипаж ее состоит в Союзе каботажных матросов, а они бастуют вместе с прочими!

— Но ведь жена умирает с голоду!—услышал я отчаянный вопль Аткинсона.

На другом конце курительной комнаты я наткнулся на группу людей, столпившихся и возбужденно о чем-то споривших с Берти Мессенером. А Берти подзадоривал их с присущим ему холодным цинизмом. Берти плевать было на забастовку, как и на все вообще! Он был разочарованный, „блазированный"—по крайней мере, во всех чистых сторонах жизни; а грязные не имели для него привлекательности. Его состояние оценивалось в двадцать миллионов, половина его была в солидных предприятиях, сам же он во всю жизнь не занялся никакой производительной работой—все свое состояние он наследовал от отца и двух дядей. Он везде бывал, все видел и на все был готов—за исключением женитьбы, и это—несмотря на мрачные и решительные атаки нескольких сотен честолюбивых мамаш! Уже много лет он был весьма заманчивой дичью, но счастливо избегал расставленных ему силков. А жених он был завидный! Помимо богатства, он был молод, красив и, как я уже говорил, опрятный мужчина. Это был рослый атлет, юный белокурый бог который все делал восхитительно, в совершенстве,—за одним единственно исключением - брака. На все ему было наплевать. Он не имел ни малейших претензий ни честолюбия, ни страстей, ни даже желания делать все то, что он делал много лучше других.

— Да все это бунт!—кричал один в группе. Другой видел в забастовке мятеж и революцию, а третий называл ее анархией.

— Не вижу ничего подобного!- отвечал Берти.—Я все утро бродил по улицам - повсюду полный порядок! Я никогда еще не видал более законопослушного народа. Зачем ругаться? Дело вовсе не в этом! Это именно то, что называется всеобщей забастовкой, и теперь ваш черед играть в эту игру, джентльмены!

— И мы ее сыграем!—крикнул Гарфильд, один из миллионеров транспорта—Мы покажем этой мрази, этим скотам, их настоящее место! Подождите, вот за дело возьмется правительство!

— А где правительство? —вмешался Берти.—Для меня и для вас оно все равно, что

на дне моря! Вы ведь не знаете, что происходит в Вашингтоне; вы ведь не знаете, есть у вас правительство или нет!

— Не беспокойтесь об этом!—выпалил Гарфильд.

— Уверяю вас, я ни мало не беспокоюсь,—улыбнулся Берти.—Но мне кажется, что *вы* беспокоитесь. Посмотрите на себя в зеркало, Гарфильд!

Гарфильд не посмотрел, но если бы посмотрел, то увидел бы до-нельзя взволнованного джентльмена, с взъерошенными серостальными волосами, покрасневшим лицом, злобно надутыми губами и дико сверкающими глазами.

— Это не дело, говорю я вам!—вмешался маленький Гэновер; и по его тону я понял, что он говорит это в сотый раз.

— Дело зашло слишком далеко, Гэновер,— ответил Берти.—Вы мне надоели, ребята! Все вы стоите за полную свободу труда. У меня уши вянут от вашей бесконечной болтовни о „свободе труда" и о „праве человека на труд". Сколько лет вы твердите об этом! Рабочие ничего дурного не делают, устраивая эту всеобщую забастовку. Они не нарушают ни человеческих, ни ваших законов! Не болтайте вздора, Гэновер! Вы столько разглагольствовали о богоданном праве работать... или не работать; что вам не отделаться от неизбежного вывода из этой посылки! Грязное и скверное дело — эта история. Вы душили рабочих и эксплоатировали их, а теперь рабочие придушили вас—вот и все: а вы еще пищите!

Участники группы согласным хором возопили, что рабочих никто не душил.

— Нет, сударь, —орал Гарфильд.—Мы делали рабочим только добро! Не только мы не душили их, но давали им возможность жить! Мы создавали для них работу. Где были бы теперь рабочие, если бы не мы?

— Им было бы гораздо лучше,—с улыбкой ответил Берти.—Вы душили рабочих и колпачили их при каждом удобном случае!

— Нет! Нет! —слышались крики.

— Да вот хотя бы здесь, в Сан-Франциско, происходила забастовка грузчиков, — невозмутимо продолжал Берти.—Союз Рабогодателей спровоцировал эту забастовку, вы это знаете. И знаете также, что мне это известно, потому что я сидел вот в этих самых комнатах и слушал ваши разговоры и сообщения о ходе борьбы. Сперва вы спровоцировали забастовку, а потом подкупили мэра и начальника полиции и сорвали забастовку. Милая это была картинка, когда вы, филантропы, околпачили грузчиков и сели им на шею:

— Погодите, я еще не кончил! Не далее как в прошлом году по рабочему списку в Колорадо прошел губернатор, который так и не вступил в должность, вы знаете почему! Вы знаете, как ваша братия—филантропы и капиталисты Колорадо—проделали это! Вот еще пример того, как рабочих надувают и насилуют! Председателя Юго-Западного Объединенного союза горнорабочих вы держали в тюрьме три года по вымышленному обвинению в убийстве, а убрав его с дороги, вы разрушили и всю организацию! Ведь это же называется насиловать рабочих, не правда ли? В третий раз вы сплутовали, когда объявили неконституционным закон о прогрессивном подоходном налоге. Таким же образом вы похоронили законопроект о восьми-часовом рабочем дне в последней сессии Конгресса!

— И из всех абсолютно безнравственных плутней каплей, переполнившей чашу, было то, что вы упразанили принцип „закрытых дверей" *) на фабриках. Вы знаете, как это было сделано. Вы подкупили Фарбурга, последнего председателя бывшей Американской Федерации Труда. Он был ваша креатура—или креатура трестов и союзов рабогадателей, что одно и то же! Вы спровоцировали грандиозную забастовку за право „закрытых дверей". Фарбург предал рабочих в этой забастовке. Вы победили, и старая Американская Федерация Труда рассыпалась прахом. Вы, господа, разрушили ее, и этим самым погубили себя, ибо сейчас же на место ее начала образовываться Федерация Промышленных Рабочих—крупная и самая солидная рабочая организация, какую только знали Соединенные Штаты,— и вы ответственны за ее существование и за теперешнюю всеобщую забастовку! Вы раздавили все старые профессиональные союзы и погнали рабочих в Ф. П. Р. — а Ф. П. Р. объявила всеобщую забастовку, продолжая бороться за „закрытые двери!" И после этого вы имеете наглость говорить в лицо, что никогда не душили труда, не душили рабочих и не обманывали их? Стыдитесь!..

Ответить на это было нечего. Но Гарфильд пытался оправдываться:

— Мы ничего не делали такого, к чему нас не вынуждала необходимость, раз мы хотели победить!

— Об этом я ничего не говорю, ответил Берти —Я возмущаюсь только тем, что вы сейчас пищите, отведав вашего собственного лекарства! Разве вы мало выиграли

*) Недопущение найма рабочих без согласия профсоюза.

забастовок, заставив умирающих с голоду рабочих сдаться? Что же, трудящиеся выработали план, благодаря которому они уморят вас голодом и заставят вас сдаться! Им нужны „закрытые двери", право не принимать никого без профессиональных союзов,—и если они этого могут добиться, уморив вас голодом—чтож, умирайте с голоду!

— Мне кажется, что и вы получали выгоды от этого самого околпачивания рабочих, о котором вы упоминали,—вставил Брентвуд, один из самых подлых и лукавых представителей американской корпорации адвокатов. — Притонодержатель ничем не лучше вора! – засмеяся он.– Вы не принимали участия в обманах, но вы взяли долю плодов этого обмана!

— Об этом никто не спорит, Брантвуд,— протянул Берти.– Вы также неправильно поступаете, как Гэновер, приплетая сюда моральный элемент. Я не касаюсь того, хорошо ли это или плохо. Это гнусно, я знаю; но я возмущаюсь тем, что вы пищите, когда вас взяли в переделку и нажимают на вас! Разумеется и я получил выгоды от обманов и благодаря вам, господа, не имел даже необходимости самолично делать эту грязную работу, вы ее делали за меня– о поверьте, не потому, что я добродетельнее вас, а потому, что мой отец и его братцы оставили мне достаточно денег, чтобы я мог платить за эту грязную работу!

— Если вы намекаете...– начал Брентвуд.

— Постойте! Не волнуйтесь!—грубо оборвал его Берти.– Зачем нам лицемерить в этом воровском притоне? Все „высокое и прекрасное"- это хорошо для газет, для клубов молодежи и для воскресных школ; ради бога, не будем лицемерить друг перед другом! Вы знаете,—и вам известно, что я знаю, какое грязное дело было сделано в последний раз с провалом забастовки строительных рабочих, кто вкладывал деньги, кто делал работу, и кто извлек из нее выгоду (Брентвуд густо покраснел ; — все мы одним миром мазаны, и самое лучшее для нас оставить мораль в покое! Я повторяю; ведите игру, ведите ее до последнего, но ради бога, не пищите, когда вас жмут!

Когда я отходил от этой группы, Берти терзал собеседников описаниями разных ужасов, указывая на то, что уже чувствуется недостаток припасов и спрашивая, что они собираются сделать. Немного позднее я столкнулся с ним в раздевальне, когда он уходил, и подвез его к дому на моем моторе.

— Славный удар, эта всеобщая забастовка!– говорил он, когда мы пробирались по людным, но чинным улицам.--Сокрушительный удар! Рабочие захватили нас врасплох и ударили в самое слабое место—в желудок! Я хочу удрать из Сан Франциско, Корф. Послушайтесь моего совета и удирайте тоже! Удирайте в деревню,—куда хотите, там у вас будет больше шансов уцелеть. Запаситесь провизией и поселитесь в шалаше или хижине, там где-нибудь в городе. Такие, как мы с вами, скоро начнут дохнуть с голоду.

Не думал я тогда, насколько прав был в своих предсказаниях Берти Мессенер. Я решил, что он алармист. Лично я собирался оставаться в городе и наблюдать интересную картину. Высадив его, я не поехал прямо домой, а отправился на поиски провизии. К великому изумлению своему я узнал, что лавчонки, в которых я покупал утром, начисто распродали товар. Я поехал на самую далекую окраину и к счастью мне удалось еще захватить коробку свечей, два мешка пшеничной муки, десять фунтов серой муки (она должна была пойти слугам), ящик консервированного маиса и два ящика консервированных томат. Очевидно, предстоял временный недостаток продуктов, и я мысленно поздравил себя с изрядным запасом провизии, который я успел сделать.

На следующее утро я, по обыкновению, выпил кофе в постели и теперь уже не только без сливок, но и без ежедневной газеты. Это отсутствие известий о внешнем мире было пока самым тяжелым моим испытанием. В клубе я мало узнал нового. Райдер уехал из Окленда на своей шлюпке, а Гельстед, съездил в Сан-Хозе и обратно на своей машине. По их словам, там происходило то же самое, что в Сан-Франциско. Все, решительно все было парализовано забастовкой. Во всех бакалейных магазинах товары были расхватаны представителями высших классов. Но в остальном царил полный порядок. Но что делалось в остальной части страны: в Чикаго? В Нью-Йорке? В Вашингтоне? Вероятно, то же самое, что и у нас, решили мы. Но мы не знали этого с положительной достоверностью, и это раздражало.

Кое-какие новости имелись у генерала Фольсома. Была сделана попытка поставить на телеграф военных телеграфистов, но провода оказались перерезанными во всех направлениях. Покуда это был единственный противозаконный акт, учиненный рабочими, и то, что это было сделано одновременно, во всей округе, доказывало полную его предумышленность. Фольсом соединился по беспроволочному телеграфу

с военным постом в Бенисии, но телеграфные линии которого охранялись солдатскими патрулями на всем пути в Сакраменто. На одну только минуту они получили связь с Сакраменто, а затем провода опять оказались перерезанными. Генерал Фольсом полагал, что такие же попытки установить сообщение делались по всей стране, но он не решился сказать, есть ли у него надежды на успех таких попыток. Больше всего его беспокоило срезывание телеграфных проводов; приходилось заключить, что это очень важный пункт широко задуманного рабочего заговора. Как жаль, говорил он, что правительство не построило давно проектированной сети беспроволочных станций.

Дни проходили за днями, время тянулось монотонно и скучно, нового ничего не случилось. Интерес новизны притупился. На улицах было уже не так людно. Рабочие перестали ходить в центр города смотреть, как мы переносим забастовку. Уже не так много автомобилей разъезжало по улицам. Ремонтные мастерские и гаражи были заперты, и раз машина ломалась, она выбывала из строя. На моей машине сломалась вилка, и ни за деньги, ни в одолжение я не мог добиться, чтобы ее починили! Как и все прочие, я теперь ходил пешком. Сан-Франциско замер, и мы не знали, что делается в остальной части страны. Но из того, что мы этого не знаем, мы заключали, что по всей стране царит такая же мертвая тишь, как у нас, в Сан-Франциско. Время от времени в городе появлялись прокламации Организованного Труда — они были отпечатаны много месяцев тому назад и свидетельствовали о том, как основательно Ф. П. Р. подготовляла забастовку. Все детали ее были разработаны давно. Никаких актов насилия покуда не отмечалось, если не считать того, что солдаты застрелили нескольких рабочих, перерезавших проволоки; но население трущоб голодало и начинало зловеще шевелиться.

Дельцы, миллионеры и лица свободных профессий устраивали митинги и выносили резолюции, но не было способа опубликовать эти воззвания. Их нельзя было даже напечатать. Однако, под давлением этих митингов генерал Фольсом оказался вынужденным захватить военными силами оптовые склады и все склады муки, зерна и продовольствия. И пора было, потому что в домах богачей, уже начался голод, и необходимо было установить хлебные очереди. Я видел, что у моих слуг начинают вытягиваться физиономии, и поразительно, какой урон они нанесли моему запасу провианта! Как я впоследствии узнал, каждый из слуг потихоньку от меня крал запасы и устраивал собственный склад!

С образованием хлебных очередей начались новые неприятности. В Сан-Франциско имелся только определенный запас продовольствия, и его могло хватить ненадолго. Мы знали, что у организованных рабочих имеются частные запасы,—и тем не менее, все рабочие стояли в хлебных очередях! В результате продовольствие, арестованное генералом Фольсомом, таяло с угрожающей быстротой. Как могли солдаты отличить оборванного представителя среднего класса от члена Ф. П. Р., или трущобного жителя? Первых и последних следовало кормить, солдаты не знали ведь всех членов Ф. П. Р. в лицо, и меньше всего их жен, дочерей и сыновей. При содействии предпринимателей некоторые из наиболее известных членов профессиональных союзов были, правда, выкинуты из хлебных очередей; но это ведь были пустяки! В довершение бедствия, казенные буксиры, возившие продовольствие из военных складов на острове Маре к острову Энджеля, прекратили работу, потому что им больше нечего было перевозить. Теперь и солдаты получали свои пайки из конфискованных запасов продовольствия, и получали их первыми.

Но уже видно было начало конца. Начались кое-где насилия! Законность и порядок ослабели и, нужно сознаться, ослабели в среде трущобных жителей и высших классов. Организованные же рабочие продолжали сохранять полный порядок. Да им и не трудно было хранить его—у них было вдоволь еды! Я помню послеобеденный час в клубе, где я застал Гольстэда и Брентвуда, перешептывавшихся в углу. Они посвятили меня в свои планы. Машина Брентвуда находилась еще в исправном состоянии, и они собирались украсть корову! При Гэльстеде был длинный мясницкий нож и секач. Мы выехали на окраину города. Кое-где на лугах паслись коровы, но их неусыпно стерегли хозяева. Мы произвели рекогносцировку, двигаясь по окраине города к востоку, и на холмах, недалеко от Охотничьей Стрелки, увидали корову, которую стерегла маленькая девочка. С коровой был и теленок. Мы не стали тратить времени на прелиминарные переговоры. Девочка убежала с криком, а мы убили корову. Я опускаю детали, весьма некрасивые — мы не привыкли к этой работе и делали ее как сапожники.

Среди этой работы, торопясь, мы услышали крики: к нам бежала толпа. Бросив добычу, мы ударились в бегство. К своему

изумлению мы убедились, что нас не преследует! Обернувшись, мы увидели, что преследователи наскоро свежуют корову. Оказалось, что они пришли за тем же делом, что и мы. Рассудив, что мяса хватит на всех, мы вернулись. Последовавшая сцена не поддается описанию! Мы дрались и ссорились на дележе, как дикари. Брентвуд, помнится мне, вел себя совершенным зверем. Он рычал, захлебывался и грозил совершить смертное убийство, если нам не дадут нашей законной доли! Покуда мы занимались дележем, на сцену появились новые лица. На этот раз страшные полицейские Ф. П. Р. Их привела маленькая девочка! Они были вооружены бичами и дубинками. и их было два десятка, Девочка приплясывала в бешенстве, слезы текли по ее щекам, но она вопила:—Задайте им! Задайте им! Вон тот малый, в очках, — он это сделал! Разбейте ему морду! Бейте его в морду!

„Малый с очками“ — это был я! И мне разбили - таки „морду“, хотя у меня хватило присутствия духа предварительно снять очки. Боже, но какую же нам задали лупку, когда мы убегали врассыпную! Брентвуд. Гэльстед и я побежали к машине. Из носа Брентвуда лилась кровь, а на щеке Гэльстеда алел багровый рубец от полученного удара бичом.

О счастье! Когда преследование прекратилось, и мы добрались до машины, за нею оказался спрятавшийся перепуганный теленок! Брентвуд знаками приказал нам не шевелиться и пополз к теленку, как волк или тигр какой-нибудь. Нож и секач были забыты на месте побоища, но у Брентвуда остались его руки, и он катался по земле с бедным теленком, стараясь задушить его. Мы бросили телячий труп в автомобиль, прикрыли его плащом и двинулись домой. Но это было только начало наших злоключений. У нас лопнула шина. Заменить ее было нечем, между тем наступили сумерки. Мы бросили машину, и Брентвуд, пыхтя и пошатываясь, двинулся вперед, неся на плечах теленка, прикрытого плащем. Мы тащили этого теленка по-очереди и чуть не погибли от него! Вдобавок мы заблудились и, после нескольких часов скитаний и трудов наткнулись на шайку буянов. Это были не рабочие из Ф. П. Р.; вероятно, они были так же голодны, как мы. Во всяком случае им достался теленок, а нам тумаки. Брентвуд бесновался всю дорогу домой, и впрямь похож был на помешанного со своим разодранным платьем, распухшим носом и глазами в синяках.

После этого мы уже не отваживались воровать коров. Генерал Фольсом выслал своих кавалеристов и конфисковал всех коров, и его кавалеристы, при помощи милиции, съели львиную долю мяса. Генерала Фольсома не в чем было упрекнуть; ведь на нем лежал долг поддерживать законность и порядок, и он поддерживал их при помощи солдат, вследствие чего и вынужден был кормить их первыми.

Приблизительно в это время началась великая паника. Богатые классы первыми обратились в бегство. От них заразились жители трущоб, и началось бурное выселение из города. Генерал Фольсом был доволен. По приблизительному рассчету, Сан-Франциско покинуло не меньше двухсот тысяч душ, и соответственно уменьшились и заботы о продовольствии. Я очень хорошо помню этот день. Утром я съел корку хлеба. Почти весь остаток дня, после полудня, я простоял в хлебной очереди; с наступлением темноты, усталый и измученный, я вернулся домой с четвертью фунта рису и куском сала. Браун встретил меня у дверей. Лицо у него было вытянутое, испуганное: оказалось, что все наши слуги бежали, остался только он один. Я был тронут его преданностью, и когда узнал, что он ничего не ел разделил с ним свою добычу. Мы сварили половину рису и половину сала, по-братски поделили обед, а половину оставили на утро. Я лег спать голодным и беспокойно ворочался всю ночь. Утром оказалось, что Браун сбежал и, что было еще хуже, унес с собою остатки риса и сала.

В это утро в клубе собралась кучка мрачных, как ночь, людей. Прислуживать было некому, слуги разбежались все до последнего Я открыл также, что исчезло клубное серебро, и узнал, куда оно исчезло. Слуги не брали его по той причине, я думаю, что члены клуба первыми разобрали его. Сбывать серебро было очень нетрудно. К югу от Базарной улицы находился квартал членов Ф. П. Р. Хозяйки охотно кормили обедами за серебро. Я вернулся домой. Так. и мое серебро исчезло все, за исключением массивного кувшина. Я завернул его и понес продавать на юг от Базарной улицы.

После съеденного обеда мне стало легче, и я вернулся в клуб узнать, нет-ли новостей. Гэновер, Коллинс и Дэкон как-раз уходили; в клубе никого не осталось, по их словам, и они предложили мне присоединиться к ним. Они собирались выехать из города на лошадях Дэкона. и свободную лошадь предложили мне. У Дэкона было четыре великолепных упряжных лошади, ко-

Мы бросили телячий труп в автомобиль, прикрыли его плащем и двинулись домой. Но это было только началом наших злоключений...

торых он хотел спасти; генерал Фольсом потихоньку предупредил его, что на следующий день все лошади, оставшиеся в городе, будут конфискованы для продовольственных целей. Лошадей было немного, потому что они десятками тысяч были выпущены в поля в первые же дни, когда запасы сена и овса истощились. Мне помнится, Бердель вложивший крупные капиталы в извозное дело, выпустил на свободу триста ломовых лошадей. При средней цене в пятьсот долларов за лошадь это составляло капитал в полтораста тысяч долларов. Вначале он надялся получить обратно почти всех лошадей по окончании забастовки, но он не получил ни одной. Все они были съедены жителями, бежавшими из Сан-Франциско! Мало того, и в армии уже началось избиение лошадей и мулов для продовольственных целей.

К счастью для Дэкона, у него в конюшне оставался обильный запас сена и овса. Мы достали четыре с дла и нашли лошадей в хорош м состоянии. Правда, они не привыкли ходить под седлом Я вспомнил Сан-Франциско во дни великого землетрясения, когда мы проезжали по улицам; но теперь Сан-Франциско имел куда более жалкий вид. И вызвано это было не каким-нибудь естественным катаклизмом, а скорей желанием профессиональных союзов. Мы ехали мимо Союзного Сквера и районом театров, отелей и магазинов. Улицы были пусты. Местами стояли автомобили, брошенные на том месте, где они сломались, или где вышел бензин. Нигде не видно было ни малейших признаков жизни, если не считать случайно попадавшихся полисменов и солдат, охранявших банки и общественные здания. Раз мы наткнулись на члена Ф. П. Р., приклеивавшего к стене последнюю прокламацию. Мы остановились прочесть ее. „Мы вели забастовку в полном порядке", говорилось в ней „и будем соблюдать порядок до конца. Конец наступит, когда наши требования будут удовлетворены. А требования наши будут удовлетворены когда мы голодом заставим наших работодателей сдаться, как и они неоднократно вынуждали нас сдаться".

— Точь в точь слова Мессенера!- промолвил Коллинс.—Я, например, первый готов сдаться –но только они не дают мне возможности сдаться... Мне кажется, я целый век не обедал! Интересно, какой вкус у конского мяса!..

Увидав еще одну прокламацию, мы остановились прочесть ее: „Когда мы решим, что наши работодатели готовы сдаться мы откроем телеграфы и соединимся с союзами работодателей в Соединенных Штатах. Но мы будем передавать по проволокам только сообщения, касающиеся мирных условий".

Мы поехали дальше, пересекли Баз рную улицу, а затем попали в рабочий квартал. Здесь улицы не были пустынны. Повсюду группами стояли члены союза Ф. П. Р. Веселые, упитанные дети играли на улице, толстые хозяйки сидели на ступень ах, судачa Все бросали на нас насмешливые вз ляды. Маленькие дети бежали за нами, крича:—Эй, мистер, есть не хотите ль? А одна женщина, кормившая грудью ребенка, крикнула Дэкону:—Хочешь, пузан, я тебя накормлю обедом за твою клячу—картофель с ветчиной, смородиновое варенье, белый хле с маслом и две чашки кофе?

— Заметили ли вы, что в последние дни,—обратился ко мне Гэновер,—на улицах не видно даже собак?

Я это заметил, но как-то не подумал о значении этого факта. Пора было, в самом деле, бежать из злополучного города! Нам, наконец, удалось выехать на шоссе Сан-Бруно, по которому мы и направились на ю г. Возле Менло у меня было именьице, которое и составляло цель нашего путешествия. Но очень скоро мы убедились, что за городом гораздо хуже и куда опаснее, чем в городе. Там, по крайней мере, солдаты Ф. П. Р. поддерживали порядок; в деревне же царила полная анархия Двести тысяч душ бежали из Сан-Франциско, и на каждом шагу нам попадались многочисленные свидетельства того, что их бегство было движением полчищ саранчи.

О и съели все до-чиста Начались грабежи и драки По дороге мы видели трупы и почерневшие развалины хуторов. Заборы были снесены, хлеба вытоптаны толпам . Все огороды были уничтожены голодающим ордами. Цыплята и вся живность на хуторах были перебиты. Так было на всех столбовых дорогах, которые вели из Сан-Франциско. Кое-где, в стороне от большой дороги, фермерам удалось отбиться при помощи дробовиков и револьверов, и о и сохранили свои позиции. Они гнали нас прочь, отказываясь даже вступить в переговоры. Все насилия и разрушения были произведены ж телями городских трущоб и представителями высших классов. Рабочие же Ф. П. Р., имея обильные запасы продовольствия, спокойно жили в своих городских квартирах.

В самом начале нашей поездки мы получили веские доказательства всей отчаянности нашего положения. Направо от дороги мы услышали крики и ружейну о стрельбу. Пули свистели в опасной близости. В соседнем лесу раздался треск, и великолепная черная ломовая лошадь выбежала на дорогу и помчалась по ней. Мы едва успели заметить, что она хромает и окровавлена. За нею гнались три солдата. Погоня скрылась в роще по левую сторону дороги. Мы слышали, как солдаты перекл кались между собою. Потом на дорогу, прихрамыва , выскочил четвертый солдат. Он сел на камень и стал отирать пот с лица.

— Милиция! — прошептал Дэкон. — Дезертир!

Солдат осклабился в нашу сторону и попросил спичек На вопрос Дэ она он ответил, что солдаты милиции дезертируют.— Жратвы нет! — пояснил он. — Они все скормили регулярным войскам! — От него мы узнали также, что арестанты военной тюрьмы были выпущены с острова Алькатрас, потому что их нечем стало кормить.

Никогда не забыть мне зрелища, которое нам вскоре открылось. Это было за крутым поворотом дороги. Над нами сводом сходились деревья. Солнечный свет еле пробивался сквозь густую листву. Здесь порхали бабочки, с полей доносилось пение жаворонков, а на дороге стоял огромный дорожный автомобиль. В нем и вокруг него лежало несколько трупов!

Нам стало ясно, в чем дело. Пассажиры автомобиля, бежавшие из города, подверглись нападению шайки буянов, жителей городских трущоб, и они перебили всех до единого. Все это произошло в каких-нибудь двадцать четыре часа. Вскрытые банки с консервированным мясом и фруктами объяснили причину нападения. Дэкон осмотрел тела.—Так я и думал—объявил он.—Я ездил в этом автомобиле: он принадлежал Перритону. Вся его семья! Теперь и нам надо держать ухо востро!

— Но ведь с нами нет провизии, которая могла бы привлечь нападающих!

Дэкон молча указал на лошадь, на которой я ехал, и я понял.

Утром лошадь Дэкона потеряла подкову. Нежное копыто ее треснуло, и к полудню животное начало хромать. Дэкон отказался ехать на лошади дальше, и не хотел бросить ее. Уступая его настойчивой просьбе, мы поехали дальше. Он же собирался вести лошадь на поводу и догнать нас в моем имении. Больше мы его не видели, и даже не узнали, какая участь его постигла..

Около часу дня мы приехали в городок Менло или, вернее, к местонахождению Менло, потому что самый городок лежал в развалинах. Трупы валялись повсюду. Деловая часть города, а частью и жилые кварталы, были уничтожены огнем. Местами торчало какое-нибудь уцелевшее здание, но добраться до него не было никакой возможности. Когда мы пытались приблизиться, в нас стреляли! Нам встретилась женщина, копавшаяся в дымящихся развалинах своего коттеджа. Она нам рассказала, что первый штурм был направлен на магазины,—и мы легко представили себе разъяренную, гевущую голодную толпу, бросившуюся на кучку горожан. Миллионеры и нищие дрались бок о бок за хлеб, а получив его, начинали драться между собою.

Остаток ночи мы провели в тщетном ожидании Дэкона, а утром, действуя револьверами, отогнали с полдюжины мародеров. Потом мы убили одну из лошадей Дэкона, спрятав про запас мясо, которого не съели тотчас же. После обеда Коллинс вышел прогуляться и.. не вернулся! Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения Гэновера. Он хотел бежать сию же минуту, и я с большим трудом убедил его подождать до рассвета.

Утром мы разлучились: Гэновер направился на юг, привязав к седлу пятьдесят фунтов лошадиного мяса, а я с таким же грузом поехал на север.

На пути домой три милиционера отняли у меня запас лошадиного мяса. Дюжина встречных грабителей отняли у меня лошадь. Двое из них были полицейские из Сан-Франциско, а остальные—солдаты регулярной армии.

Эту ночь я провел в сарае, дрожа от холода и в то же время пылая в жару. Два дня я пролежал здесь, не имея сил шевельнутся, а на третий день, шатаясь, с кружащейся от слабости головой, я побрел к Сан-Франциско, опираясь на импровизированный костыль.

Войдя в город, я вспомнил дом рабочего, в котором я продал серебряный кувшин, и голод погнал меня в этом направлении. Уже смеркалось, когда я добрался до него. Я обошел дом по дорожке и поднялся на заднее крылечко, где упал. Мне удалось достать костылем до двери и постучаться, а потом я потерял, вероятно, сознание, потому что пришел в себя уже в кухне; лицо мое было мокро от воды, и мне вливали в рот водку. Задыхаясь и откашливаясь, я пытался заговорить. Я что-то лепетал в том смысле, что больше у меня нет серебра, но я отдам потом, если мне дадут поесть. Но хозяйка прервала меня. — О, бедный, разве вы не слышали? Забастовка отменена нынче после полудня! Разумеется, мы дадим вам поесть! — Она засуетилась, вскрыла банку с консервированным салом и приготовилась жарить его. — Дайте мне кусочек сейчас! — взмолился я, и стал пожирать сырое сало на ломтиках хлеба, между тем как ее муж рассказывал мне, что тробования Ф. П. Р. удовлетворены. Сейчас же после полудня начал действовать телеграф, и повсюду союзы предпринимателей сдавались. В Сан-Франциско не осталось предпринимателей, но генерал Фольсом вел переговоры по их уполномочию. Утром пойдут поезда и пароходы, и все придет в норму в самом скором времени.

Так кончилась всеобщая забастовка.

ФОТОЭКРАН

Проф. Энштейн автор теории относительности.

Подписи под петицией английских фермеров.

Одноколесный мотоциклет.

Меланезийские красавицы.

Куклукс Клан требует у правительства уплаты за услуги.

Чемпион Америки по езде на велосипеде.

Спасатели жизни—„дяди“ в 10 пудов 2 ф. и в 2 п. 10 ф.

Вильям Ричвуд в своей упряжке в Канзасс Сити.

Близорукий Мулл.

НИКОМУ НЕ ГОВОРИТЕ

— Под большим секретом открываю вам тайну редакции:

В четвертом номере

БОРЬБА МИРОВ
ЖУРНАЛ ★ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

об'являет конкурс на?!!..

Издатель—Из-во „Молодая Гвардия" при ЦКРКСМ. **Редактор—Редколлегия.**

Гиавлит № 22379. **Москва.** **Тираж 10.000 экз.**

Типография «9-е ЯНВАРЯ», Серебряническая набережная, дом № 23-а.

—Только здесь!

вы и ваша организация получите хороший подбор книг, брошюр, руководств и журналов по всем вопросам—полит-экономии, юношеского движения и художественной литературы.

Неглинный проезд, 8.
— Москва.

БОРЬБА МИРОВ

М. ПРАТУСЕВИЧ : ДОКУМЕНТЫ

С.С.С.Р.